

Сказки Старого Волхова

Вадим Кузнецов

16+

Вадим Кузнецов
Сказки старого Волхова

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кузнецов В. А.

Сказки старого Волхова / В. А. Кузнецов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Два брата пошли в лес по грибы. Один не вернулся и, как сказала деревенская колдунья, попал в лапы нечистой силы... Второй брат, Болеслав, вырос и ему попался обломок "меча чудодейного". Он хочет собрать меч воедино и защитить свою Родину. Как будут развиваться события дальше, вы узнаете из этой славянской сказки.

© Кузнецов В. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Рождение нечисти	7
1	7
2	12
3	15
Часть вторая. Кузнецы и разбойники	19
4	19
5	22
6	25
7	29
8	33
9	36
10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вадим Кузнецов

Сказки старого Волхова

Написание романа оказала влияние подлинная история, рассказанная прабабушкой моей, Апраксией Васенцовой, уроженкой деревни Суцево Вологодской области.

Пролог

Луна еле-еле выглядывала из-за низких тяжелых туч, освещая место недавней кровопролитной битвы. Северянам тяжело досталась победа над славянскими варварами, много хороших бойцов унеслось в Валгаллу, и скальды наверняка напишут оды в честь этого сражения.

Молодой рыжебородый варяг медленно обходил с воеводою поле брани. Эрик искал своего отца, великого конунга Олафа. Черные вороны кружили над берегом Волхова, пронзительно крича и махая крыльями. Могильные змеи клубились и шипели под ногами, и порою Эрик осторожно переступал, боясь потревожить черную гадину. Повсюду лежали в беспорядке тела северян и их противников – славян. Слышались редкие вздохи и протяжные стоны. Над берегом Волхова стоял терпкий запах крови и смерти.

Многие были еще живы, но встать уже не могли. Вот дюжий русич сжимает рукой стрелу, пробившую нагрудный доспех, хрипя, пуская пузыри. И видно было, что стоит вытащить наконецник – человек изойдет кровью. Другой уже ничего не мог сказать и даже пошевелиться – его голова расквашена тяжелым молотом. Чуть поодаль лежали два могучих богатыря – норманн и славянин. Они, словно братья, держались друг возле друга, но их объятия были смертельными. Славянин еле дышал, сжимая в руке обломок меча, который, казалось, едва мерцал красным светом. Другая рука воина висела безжизненно, а на окровавленном лице выступил горячий пот.

– Этот еще жив... – прошептал усатый воевода, показывая перчаткой на славянина.

– Вижу, – ответил рыжебородый, поправив рукавицу.

– Это именно тот богатырь, что зарубил не менее двух десятков наших людей! – ощерился воевода.

– Заберем его. Пусть ответит за норманнскую кровь.

– Хорошо.

– А как же отец?

Рядом с русичем лежал Олаф, конунг норманнов. Он отчаянно стискивал в руке боевой молот, что силой обладал волшебной. Олаф хрипел, изо рта текла струйкой горячая кровь, и заметили варяги, что в груди конунга едва подрагивает обломок разящей стали.

– Эрик... сын... – глухо прошептал раненый.

– Идите за лекарем, быть может, отца еще можно спасти, – рыжебородый склонился к отцу. Воевода кивнул и быстро зашагал в сторону перелеска.

– Отец! Ты еще жив? – Эрик усмехнулся в бороду и нагнулся поближе.

– Помоги... помоги мне...

Однако, рыжебородый, опасливо оглянувшись, и поняв, что они одни, безжалостно обхватил двумя руками обломок меча и еще глубже погрузил его в тело родителя. Сталь даже пробила варяжскую рукавицу и на землю капнула кровь.

– Что ты делаешь... отцеубийца! – захрипел Олаф.

– Ты никогда меня не любил! И не дал бы стать конунгом! – заключил Эрик. – А теперь волшебный молот – мой!

Олаф начал дышать быстро-быстро, и видно было, что он доживает последние мгновения.

– Молот не принесет тебе ничего... кроме смерти...

Эрик злобно рассмеялся, однако страх поселился в уголках его серых глаз.

– Я... Я... приду за тобой, мой любимый сын! – прошептал умирающий, навсегда опуская веки. Через мгновение его рука ослабла и пальцы беспомощно разжали рукоять боевого молота.

Часть первая. Рождение нечисти

1

Жили в одном славянском селе два родных брата. Одной матери сыновья. Старшой – Первак, а младшего Болькой отец назвал. Был он богатырь знатного рода, славен и могуч. Бился с недругами Руси повсюду: и на северных пределах, и в южных степях, а, говорят, что и за Каменный пояс хаживал. Случилось так, что не вернулся однажды богатырь из похода дальнего. Вот и остались малые кровиночки в раннем возрасте без отца. Одна мамка пострелять воспитывала, вдовью ношу женскую справно тянула. Ребята уже в возраст входили и способствовали матери, как могли. Болька рос покладистым и спокойным, а старшой – затейник да шалопут. Младшенький больше ремеслами да премудростями разными интересовался, а Первак промышлять любил. Глаза имел острые да зоркие. Знатный охотник, внимательный следопыт. То в лес с новорожденной зорькой навострится, то на вечернюю рыбалку пойдет. Все, какой-никакой прибыток для семейной корзины, лишний кусок в общем котле. А так как по малолетству, на серьезную охоту Первуша еще не ходил, то чаще из леса грибов да ягод приволакивал. Ну и меньшого братца иногда с собою брал. Особенно осенью, когда выпадали урожайные недели.

И вот пошли ребятки в лес поутру. Роса только-только упала с зеленой, подернутой холодком травы, как уже мальчишеские ножки ступили на узкую лесную тропу. Первуша знал много грибных мест и постоянно находил новые. То в темный ельничек мальцы зайдут, то в редкий березнячок, под каждое дерево заглянут. Туда-сюда обернутся. Глядишь, еще и полудня нет, а почти полны короба крепких боровичков.

– Ну что, Первуша, пора и домой иттить, – почесал загривок Болька. – Ужо полны наши коробочки.

– Согласен, малой. Только, давай вон к тому ручейку спустимся, да трохи порыщем. Я там давеча молодых красноголовых нашел. А если повезет, то и рыбешки какой словим. Мамане на добрую уху да приبلудной котейке на забаву.

Устал Болька по лесу бродить, но старшого послушал. Продрались сквозь кустарничек, и сошли-сбежали к тихому ручейку. Походили чутка, но ничего не нашли путевого. То ли был кто до них, то ли слой красных грибов миновал, но кроме сизых поганок ничего на пологих бережках не выросло. Да и ручей зацвел, запаршивел, ряской болотной затянулся, лишь лягухи зеленые сидели да квакали.

– Нет грибов, – устало протянул Болька.

– Погодь... Смотри – косой! – прошептал Первак и осторожно рукой показал.

И, правда, на небольшом пригорке сидел, поджав длинные уши, маленький зайчишка. Однако, чудной. Еще зима не наступила, а он весь белый, точно теткиной простоквашей облит. Сидит зверек, голубыми глазами зыркает и человека совсем не страшится.

– Сейчас я его подобью... будет на ужин мясная похлебушка...

– Не надо, Первуша, странный он... – запричитал братик. – Может, старика лесного помощник.

Но старший уже не слышал Больку, достал охотничью приспособу: ремень с камушком. Раскрутил пращу, прицелился, да и метнул каменюку. В зверушку попал, да насмерть не забил. Зайчонка вздрогнул, вскочил и бросился наутек, ковыляя задней, пришибленной лапой. Победил колченогий вдаль по тропинке. Раненый, значит.

Незадачливый стрелок не растерялся, корзину брату всучил, а сам за косым помчался, в надежде догнать и окончательно пристукнуть. Понесся, дороги не разбирая, только палые листики вылетали из-под быстрых ног. Вот уже далеко убежал.

– Постой, Первуша! Меня погоди! – Болька не поспевал за братом. Поставил оба короба на траву-мураву и припустил вдогонку.

А братик даже не останавливался. Вот уже и зайца белого след простыл, а Первуша все прыгал по пригоркам-кочкам, вдоль русла болотистого, сквозь кусты и камыши бежал. Вверх-вниз, вправо-влево, аки кузнечик молоденький, скакал. Будто брата младшего не слышал вовсе.

Болька кричал, от натуги задыхался. Никак не догнать Первушу. Ножки слабые, маленькие, подкашивались. А брат не откликался, все дальше в темный лес стремился и даже не оглянулся ни разу. Еще чуть-чуть – совсем скроется в непролазной чаще.

Но малой приударил, откель только силы взялись. В три-четыре прыжка догнал Первушу, по плечу дружески хлопнул:

– Постой, братец.

Оглянулся «братец» на Болеслава, и тот язык проглотил, да затрясся мелко. Не брата лицо к нему повернулось, а иное. Страшное бородатое стариновское. Глаза черные без зрачков, зубы желтые и гнилые. Засмеялся старик-лесовик диким замогильным хохотом, крутанулся вокруг себя три раза да сгинул безвозвратно. И остался в лесу Болька один-одинешенек. Ибо забрала его брата сила нечистая!

С трудом нашел Болька дорогу домой и в ноги маменьке бросился. Упустил, потерял старшего! Нет теперь главного кормильца в семье!

Полдня ждали сродственники отрока неразумного, думали, что вернется Первуша домой. Но подкрался вечер медленно, незаметно; и ночь черным бархатом до самого утра все накрыла-укутала.

Рассвет залился-зарумянился, но не принесло солнышко радости. Проснулся Болька с думами горькими, тяжелыми. Решил сходить к ведьме Малуше, что обитала на самом отшибе. Страшно к ней навеваться, но другого выхода нет.

Малуша та людей чуралась, отшельницей жила, а изба ее была такой древней, что уже вросла одной стороною в дремучий лес. Крыша желтым мхом и безобразной коростой покрылась, ступеньки крыльца потрескались да прогнили, ставни перекошились, а на коньке избы вместо петушка хищный волк зубья скалил.

С осторожностью подошел Болька к дому колдуньи. Только хотел постучать, как дверь распахнулась, и на пороге сама Малуша образовалась. Старая и безобразная до жути. Вся в лохмотьях, лицо сухое, жизненными бороздами перепаханное; волосья черные, аки смоль; глаз зеленый, дурной...

– Заходи, отрок, коли пришел. Заходи, не бойсь, – молвила ведьма да посторонилась, приглашая в избушку.

Мальчик осторожно поднялся по ступенькам крыльца и проник в темную чужую горницу. Страх обуял Больку. Тревожно стало на душе, боязно и сиротливо. Посмотрел по сторонам и еще пуще затрясся. В доме всякой колдовской утвари по темным углам понатыкано-понапихано. По темным полкам черепа животных белели. На окне погорынь-травы в пучках сушились, в котле варево готовилось с дурным запахом, половицы скрипели протяжно, а из-под них быстрые таракашки выбегали да змеи красные расползались. Малуша-же лишь смеялась да головой качала:

– Не бойся, Болеслав... Болька! Знаю я беду твою. Девчонка Светланка на хвосте весть дурную принесла. Мил ей братец твой. Ужо себе в женихи записала. Да, видать, поторопилась отроковица. Сказывай же, чего у вас там приключилось?

– Я... Он...

– Да, не бойся, Болька. Вот испей отвару медового, силушки тебе ой как понадобятся, – улыбнулась старуха и погладила мальчика костлявой, но теплой человеческой ладонью.

И тут почувствовал Болька, что не такая уж и страшная ведьма, как вначале привиделось. Набрехали деревенские, будто Малуша мертва наполовину, и что телом холодная, словно болотная жаба. Неправда все. Живая старуха и теплехонькая, как и любой русский человек. А от руки ее мягкой даже спокойней становится.

– Первуша зайца подбил, да не до смерти. Тот – тикать! И брат за косым, как очумелый, погнался. А после... – начал рассказывать мальчик, шмыгая носом, и вскоре поведал все, что с ними произошло.

– Обычный заяц? – поинтересовалась колдунья.

– Нет! Белый! Чудной, и глаза у него человеческие...

– Плохо дело, отрок... – вздохнула Малуша. – Не заяц то вам повстречался, а хозяин лесной. А причина беды в ином. Рано или поздно должно было это произойти. Не доглядела я, старая... Не почувствовала.

– Почему? В чем вина ваша, бабушка Малуша?

– Беда караулила твоего брата с малых лет. Не благословлен Первуша при рождении. Вот ведь! Вина отца вашего. Не чтит Усыня богов наших исконных! Ни Велеса, ни Перуна не боялся. Даров никому не подносил, жил бесшабашно и опрометчиво. Прости меня за эти слова, Болеслав, но из песни их всяко не выкинешь. На силушку богатырскую Усыня полагался, а заветов дедовских никогда не слушал. Дурной был батя ваш, не дал матери благословить Первушу. А порядок такой, заведенный испокон веку: если сорок ден после рождения чадо не освятить, как полагается, то будет оно всегда подвластно влиянию темных сил. Ты за себя не бойся, тебя боги приняли и благословили. Мамка тайком ко мне приводила, пока Усыня с походом ратным в степи ходил. Я обряд сотворила праведный...

Тут Малуша почему-то отвела глаза и зашамкала беззубым ртом. А Болька сидел и слушал зачарованно. Ведьмы уже совсем не боялся, пил отвар вкусный, сладенький.

– А почему же, баба Малуша, опосля братика не благословили...

– Коли после рождения не удалось, то до четырнадцать лет – нельзя, но потом – завсегда можно. И, что ж я, старая, позабыла, что уже месяца три, как надо было обряд сотворить! Весной же Первуша на свет появился. Четырнадцать лет пролетело, как и не было! Пролетело, будто листья осенние осыпались, да перья совиные... А будто вчера все было...

Старуха покачала головой, но продолжила:

– Есть у меня средство, чтобы Первушу домой вернуть. Но, слушай, отрок, и внимай! Коли до полной луны не воротится брат, то навсегда останется во власти лесного хозяина. Времени у тебя немного. Всего два дня да две ночи, да и вторая – неполная. А в крайнюю полночь трижды пропоет серая неясуть, накроет твоего братца черным полотнищем, и станет он служить силам, человеку неведомым и неподвластным.

– Что же делать?

– Подойди ближе, протяни ладошку бабушке, – молвила старуха и вложила в руку Больке что-то теплое-теплое, на ощупь мягкое, трепыхающееся. – Неси эту вещичку домой, да так бережно, будто птичку малую. Только ни с кем по пути не заговаривай да назад ни за что не оглядывайся. Чтобы не случилось, – рот на замок, голову на шесток! И никак живность пальцем не трожь. Будь-то человек, зверь или птица. Иначе не вернется твой брат из лесу. Ни смех, ни клюв, ни вода не должны помешать тебе, Болеслав.

Послушал малец ведьму, хотя последние слова так и не понял. Ну, видимо, заклятие колдовское. Сжал руку в кулачок с вещицей неведомой, благодарствовал и отправился восвояси.

И вот пошел домой Болька, никого не трогал, молчал и не оборачивался, как Малушой велено.

– Болька, Болька, подойди! – раздался неожиданный окрик. Светланка это, Первуши невестушка. Узнал по голосу звонкому.

Но он дальше пошел, не слушал и не отзывался, как велено.

– Болька! Ну, смотри, чего покажу! – настойчиво продолжала девчушка.

Он и ухом не повел, знай себе побрел тропой потихонечку.

А Светланка совсем распоясалась, выскочила прямо перед Болькой и давай хихикать, глазки строить, сарафанчик сдергивать да плечики розовые оголять. Сдурела девка!

Больке сvezло, ему еще и двенадцати не было, потому и выстоял, а вот парень постарше точно бы проговорился, дурачок. Болька-же только язык показал бесстыднице, сплюнул в сторону и дальше пошлепал.

Продолжал он идти к дому отчему, а в руке теплилось-трепыхалось, вот-вот выскочит, но прикрыл Болька другой ладонью судьбу брата родного. Сбереечь надобно.

Вот неожиданно скрылось солнышко, злой ветер налетел, засвистел в ушах. В небесах загремело, и полилась вода дождевая тяжелая. Намокли волосы, плечи задрожали, насквозь рубашечку промочило. Бегом припустил малец, да оскользнулся. Почуял, что наземь падает, но извернулся и спиной в грязь повалился. Так, чтобы не выпустить из рук судьбу своего брата родного.

Отлежался чуть. Но теперь, если встанет Болька, то придется назад, на дом Малушы посмотреть. Схитрил. Зажмурил глаза, вслепую поднялся и развернулся. Чуть ошибся. Краем глаза заметил волчью голову на тереме ведьмы, но быстро очи отвел и дальше пошел уже осторожнее.

Противный дождь все не утихал. Гром бабахал, корявые молнии зигзагами облака разрезали. И казалось, будто кто-то грузный в спину толкал и пихал, да обернуться нельзя! Страшно так, казалось, – душа в пятки уходит. А в руках что-то теплое, живое трепыхалось. Надежду дарило.

И тут сзади пронзительный крик раздался. Птичий крик, да незнакомый. Не черная ворона, не галка сизая, не филин лесной. Страшный клекот, словно плач человеческий. Потянул назад голову малец, да одернулся. Нельзя!

Птичий грай повторился. Все ближе и ближе. Вот и крыло тяжелое по загревку чиркнуло. Но шел домой Болька, не отвлекаясь, хоть и дрожал весь от страха и холода.

Не унималась птица страшная. Сзади клювом щелкнула да клюнула прямо в маковку. Больно! Раз тюкнула, другой. Клюет и кричит, клюет и кричит. Насмехается, пакость!

Но уже чуть-чуть осталось до дома родимого. Зашел в избу Болька. К столу подбежал, и выложил из рук своих сокровище бесценное, Малушой даденое.

Да не посмотрел на дар даже, а обратно на крыльцо выскочил. Жердину с изгороди выломал и на птицу черную бросился. Стукнул раз хорошенько, а тварь неведомая лишь желтым клювом махнула и, по-человечески хохоча, улетела.

Вернулся домой Первуша, а на столе ничегошеньки нет. Пропал дар Малушы. Испарилось как туман, словно лед растаяло, исчезло бесследно. Только лужица водицы талой на свету блестела да подснежниками пахла.

Целый день ждал Болька брата своего. В оконце смотрел, на крылечко выходил, на околицу зорко поглядывал. Притомился. К вечеру совсем сник и уснул возле теплой печки. Дремота навалилась, веки сомкнула. А батюшка-сон в уши сказоньку или быличку нашептал.

Вдруг шорох странный на улочке послышался. Мамка в это время пироги пекла, тесто катала, потому не могло ее там быть. Пес дворовый залаял жалобно, будто плача, а потом тревожно, словно вора почуял. Вышел из дома Болька. И видит: Первуша, брат его, из погреба мешок здоровенный волочит. Овощей, видимо, набрал. Так и есть: репка маленькая из прорехи выпала, да по земле покати́лась.

Болька обрадовался, матушку кличет:

– Мамка, мамка! Первуша возвратился.

А мать и не слышала, по хозяйству занимаясь. Все у нее там варится-парится; хозяйка черпачком в котле помешивает, а другой рукой тесто по столу раскатывает. Болька подбежал к мамане и за подол во двор потащил:

– Первуша, брат мой воротился! Скорее пойдем!

Вышли они во двор, а там уже и нет никого. Собака успокоилась, несчастными глазами в лес посмотрела, а на земле лишь репка с бока на бок покачивалась.

2

– Эх, Болеслав. Неправильно ты поступил, коли не сладилось... – Малуша сидела на крыльце, перебирая сухие корешки.

– Ну... Сначала Светланка мне глазки строила, плечики оголяла...

– Чур тебя! Какая Светланка? – вздохнула колдунья. – Девочка спозаранку больной головой мучается. Мать ее приходила за лесной ромашкой. Не помогло, говорит. Вот, сейчас буду отвар липовый готовить. То хозяин лесной тебя дурил, ведь знаешь, что может он любое обличье принимать. Как звериное, так и человеческое.

– Потом дождь, как из ведра полил. Гроза началась...

– Гроза? Глянь-ка в корыто, что рядом с тобой лежит. Сухое дерево, уж лучинки отслаиваются, как еще муравьи там свадьбу не сыграли. Неделию хорошего дождя не было. Говорю тебе, морок все это, чтобы тебя с пути верного сбить.

Стушевался Болька. Не хотел про птицу черную Малуше говорить, да она за язык-то и вытянула:

– Птицу или зверя какого видел?

– Была птица, – подтвердил Болька. – Сзади меня вилась и клекотала противно. А потом клювом стала по голове бить!

– Не оглянуся?

– Нет... То, что вы дали, бабушка, домой принес, а потом выбежал да палкой птицу поколотил. Птица страшная и большая... Сама черная, а клюв желтый, и блестит, как золотой!

– Убил? – Малуша уперла руки в бока и посмотрела сердито.

– Нет, только несколько перьев выбил. Хотел подобрать перышки, но они прямо в руках разлохматились, в серый прах обратились. Рассыпались да по ветру развеялись.

– Повезло тебе, кабы убил птицу, то не вернул бы никогда брата своего. Есть еще способ, слушай меня, Болеслав...

Ночка темная все заволокла, туман густой на село спустился. Закутала молочной рекой дома по самые крыши. Не хотел Болька идти в такое злое время по лесу темному, да пришлось. Брата выручать надо.

Вышел за околицу, зажег гриб-трутовик. Слабо светит, но недалеко видно. По знакомой тропке потопал, тут они с Первушей часто хаживали. Елочки и березки махонькие, пеньки знакомые. Быстрая ящерка пробежала да скрылась от холода. Улыбнулся Болька и в чашу, туманом подернутую, углубился.

Дальше лес начался более густой и дремучий. Коряги огромные, замшелые пни, колоды павших сосен то здесь, то там топорщились в беспорядке. А гриб-светоч стал меркнуть. Но идти вперед надобно. На первую ясную звезду, на Спас, как Малуша наказала.

Долго шел Болька и заблудился. Забрел в такой бурелом, что уже не знал, как и выйти. Все ноги переломал, лицо и руки хлесткими ветками исцарапал. Слабый огонек трутовика зачах совсем. Ну все, теперь и не выберешься.

Внезапно ветер подул, деревце жалобно скрипнуло, и тихо-тихо аукнуло издалека. Будто девичий голосок слабый.

Оглянулся на зов Болька и заметил неяркий свет. Огонь еле-еле вдали затеплился, посреди леса дремучего. Собрался с силами отрок, начал вылезать из чащобы.

Вскорости вышел он на ладную и приятную полянку. Чудно! Три сосны рвались ввысь. Стройные, красивые. Рыжие невестушки, как на подбор. А рядом две березки повалены домиком, ветрами да ураганами нагнуло-покорежило. Посередине пеньки-чурбачки стояли, и

костер яркий полыхал. Болька даже не уследил, как один пень расплылся-рассыпался, очертания свои потерял да в живого человека обратился.

Странный ночной незнакомец предстал Больке. Красная рубаха парадная, плащ с золотой пуговицей, сапоги дорогие кожаные. Не простой путник, а знатный боярин. Купец богатый али воин странствующий. И что совсем удивило, – вся одежда свежая чистая, будто только из сундука вынули. Да и сам боярин сидел холеный, рыло скобленое. Безбородый, а кожаца розовая, как у молодого поросенка.

– Садись, малец, к огню, погрейся, – молвил дядька.

– Благодарствую! – ответил Болька, а сам уже понял, что не купец и не барин это, а самый настоящий лешак. Нежить лесная.

– Отведай похлебки. Хорош супчик, наваристый, – ухмыляясь, проговорил леший и подал в руки пышущий дымком горшочек.

Зачерпнул Болька ложкой варево и выудил небольшую косточку. Посмотрел на нее, и понял, что кость та не звериная, а человеческая. Или показалось так, но Малуша предупредила, чтобы ничего от хозяина лесного не брал: «Брата не вернешь и сам сгинешь».

– Спасибо, добрый господин. Живот скрутило, есть что-то не хочется.

– Может, кваску выпьешь с дороги? – и кружку глиняную леший протянул.

Понюхал Болеслав, а оттуда тиной болотной повеяло. Чуть дунул – черная лягушка из пойла выпрыгнула.

Болька головой покачал, кружку на пенек поставил. Усмехнулся леший, руки потер, взял кружку, перевернул, словно вылить хотел. А она вдруг пустой оказалась. И как такое произошло – непонятно.

Лесовик другой рукой верх кружки закрыл, немного покачал и встряхнул перед глазами.

– В кости сыграем? – и опять улыбнулся, зараза нечестивая.

– Да я во взрослых играх не разумею.

– Так я научу. Все просто. Два кубика. Две кости. На каждом точечки. Мешаешь – бросаешь. Мешаешь – бросаешь. У кого больше точек на костях, тот и выиграл. Считать-то умеешь?

– Умею! – воскликнул Болька. – Только на что играть? У меня за душой ничего и нет.

– Ну, душа-то имеется, – прошептал леший, и холодно стало на сердечке от слов таких. Защекотало, заскреблось, засвирбело под ложечкой. Липкий страх пробежался от пяток до самой макушки, и в глазах тревожно потемнело. Но делать нечего, играть – надо! Только по уму, как колдунья насоветовала.

– Ууух! – раздалось из леса.

«Серая неясуть кричит», – понял Болька. – «А как три раза прогорланит, так и полночь вступит в свои права. Торопиться надо».

– А что вы, господин, ставить на кон будете? – поинтересовался вслух.

– А за чем ты пришел? Чужую душу, мне давно обещанную, коли проиграю, отпущу, – ухмыльнулся леший.

– Хорошо, только кости три раза бросим. Если кто-то выиграл два раза подряд, то третий кон уже и не нужен. Пойдет?

– Уговорились!

Леший встряхнул кружку и высыпал костяшки на пень. Две пятерки. Хороший ход!

Очередь Больки. Встряхнул-бросил. Выпало «четыре-два».

– Ну, что? Может, сразу сдашься? – хихикнул лешак и почесал за ухом. – Коли откажешься второй раз играть, отпущу тебя. Только с чем пришел, с тем и возвратнешься. Не обессудь.

– Дальше играем! – твердо ответил Болька. – Только теперь я первый бросаю.

– Ну-ну.

Больша взял в руки глиняную кружку, положил в нее кости и начал трясти. Долго трясе-перекачивал, к уху подносил. А пока трясе, про себя заговор шептал, что Малуша его выучить заставила. Сто слов заковыристых, по большей части непонятных. Тайных и колдовских. Чуть не уснул, пока наговаривал...

– Ууух! – прошелестело под ухом.

«А в крайнюю полночь трижды пропоет серая неясить, накроет твоего братца черным полотнищем, и станет он служить силам, человеку неведомым и неподвластным...».

Опомнился Больша и быстро выложил косточки. Пять-четыре. Хорошие циферки, но, отнюдь, не победа.

Начал леший трясти кружку, поднял над головой, глазищи на небо звездное закатил, а Больша – не дурак. Момент улучил, взял да и кинул в костер погорынь-травы. А она, эта травка, когда тлеет, так пахнет, что всяка нечисть силу свою теряет.

Ну и, знамо дело, слезы накатились лешаку на глаза, кружку обронил, и косточки небрежно на пенек покатались. Да не так ладно, как хотел выложить этот несправедливый шалапут. Два-три.

Ничья, стало быть. Последний кон – решающий.

Леший нарочито медленно взял кружку, положил в нее кости и стал долго-долго трясти. По сторонам поплеывал, вверх-вниз поддувал, шептал да сапожищами по земле стучал. Будто не в кости играл, а танец обрядный вел. Три раза вокруг костра козликом проскакал, затем в другую сторону двинулся. Больша хотел было возразить, как лесовик трижды юлой вокруг себя крутанулся и выложил косточки на пенек. Четыре-три.

Косточки, конечно, неплохие лешаку выпали, но шансы есть. Больша уверенно взял в руки кружку, и тут над лесом пронзительно разнеслось:

– Ууух!

«Третий раз! Последний! Опоздал! Не успел!»

Вспыхнуло пламя костра выше верхушек сосен, и странный незнакомец сгинул, будто его и не было. Березовые чурбачки подскочили, как живые. Друг на дружку стали наскакивать, ветками-листочками обрастать да вверх кронами рваться. Не прошло и пары мгновений, как выросли новые деревья из мертвых обрезанных чурбанов. Прямо перед глазами села большая серая сова, зловеще моргнула, голову вокруг шеи крутанула, тяжелые крылья расправила. Брызнули в глаза Больша желтые предательские огоньки. Завертелось все, заплясало, запрыгало. На краю опушки паренек какой-то появился. Присмотрелся Больша, а это Первуша стоял в тумане белесом. Поднял старший брат голову, укоризненно покачал ею и отвернулся. В темный лес пошел, в ночи растворяясь.

– Стой, Первуша! Не уходи, брат!

Кинулся Больша, подбежал, словно раненая, брошенная хозяином, собачонка. Хотел обнять братика, задержать, заговорить. Вернуть домой, к матушке.

Но лишь воздух поймал да серое свиное перышко. Растаял Первуша. Растворился, как хмарь болотная. Исчез, как туман утренний, как росинка малая, с цветка наземь опавшая.

3

Ясное солнышко встало над землей русской. Осветило ладные домики и поля, пшеницею колосающиеся. Живые лучи пробежали ласково, в каждую щелочку заглянули, любому подарили тепло и надежду. Буренки протяжно замычали, козочки заблеяли, и матушка подошла, родимая. Милая добрая мама. Налила крынку парного молока и улыбнулась. Испил из нее, возрадовался...

Очнулся Первуша неприкаянный. Глаза открыл, а перед ним лыбится страшная седая бабища. Ох, ну и суровая мамаша! Сама долговзая, вместо глаз – клюковки, волосья грязные и разлохмаченные. Нос длинный и толстый, сизый, как свекла; а груди длинные и худые. Такие продолжительные, что у самого жирного пупа болтались. Улыбнулась карга кривым беззубым ртом и свои титьки колбасные за спину забросила...

Понял бедный Первуша, что испил молока от этой нелегкой бабищи. Заплакал горестно. На руки свои посмотрел: на ладонях начали прорасти волосы, горлом пошла слизь зеленая, и по венам будто змеи холодные пробежались!

Вспомнил смутно, что приключилось. Горе-то какое! Унес его из мест родных скорбный дедушка. Отобрал от людей, в мир лесной обратил безвозвратно. И теперь в мыслях все пере-мешалось-спуталось. Стал забывать Первуша и дом родной, и людей, что с ним вместе жили. Лица сродственников стирались из памяти...

– Ну что с тобой, милоч? – прошелестела старая лешачиха. – Теперь ты наш, истинный лесовик. Будем звать тебя, младшенький, Лешкою...

Первуша вскочил на ноги, как ужаленный, и вновь упал, ибо в глазах все расплылось-помутилось. Взор рябой молочнистый туман застил, голоса-шепотунчики в большой голове предательски зазвенели:

«Лесовик ты теперь... будем звать Лешкою...»

А ветхая изба закачалась, закружилась. Огляделся Первуша. Темные углы ощерились вязкой паутиною, тараканы да светляки усы топорщили. Запели половицы гнилые, заскрипели лавки грязные, засмердели драные подштанники.

Провел рукой Первуша перед глазами, и вроде бы отступил морок. Только темная изба никуда не подевалась. Второй раз встал на ноги и бросился прочь из дома нечистого.

На свежий воздух выскочил и, спотыкаясь, к колодезю покосившемуся подбежал. Продышался Первуша, прочухался. В бадью руки опустил и умылся, а потом глянул в воду и чуть ум свой последний не потерял.

Черная вода по краям бадьи раздвинулась, и показалась гладь зеркальная, а там... вместо лица человеческого страшная чудовищная образина корячилась. Глаза-щелочки, щеки сухими травами ковыльными поросли, волос на главе нет, лишь кора древесная замшелая, а нос заменила шишка еловая!

«...Наш ты теперь. Будем звать Лешкою...»

Закричал Первуша, забился в безудержном ужасе и побежал прочь от избы проклятой, от карги лесной да от бадьи с черным ненавистным зеркалом.

Да только от себя-то не уйти!

А Первуша припустил так, что засверкали пяточки, и искры стали вылетать из-под его ног человеческих. Но то не шпоры на сапогах искрились, а когти звериные, из пальцев торчащие. Это они по камням стучали да искорки высекали. Ибо не человек он уже, а безобразная нежить лесная.

Посмотрел вокруг Первуша несчастный. Лес знакомый и одновременно неведомый. Все перемешалось, все сикось-накось сдвинулось. Мир явный и навий воедино переплелись, словно

ветки древесные, по случайности растущие. Сомкнулось все, запуталось, завертелось в чудовищной пляске бесовской.

Вот и озерцо лесное, заболоченное, с ранних лет знакомое. Да деревья стояли рядом не те, что примечал по младости. Березки домиком, странно скособоченные. Вдаль тянулись не елки, а дубы кряжистые на высоких склонах. Ветками корявыми махали, листьями желтыми шуршали, корни под ноги предательски подставляли.

И упал Первуша измученный, задышал часто.

А как на земле оказался, так ветви дуба столетнего нагнулись и окутали, оплели тело слабое. Ростки холодные насквозь руки-ноги проклюнулись, на главу венчик дубовый опустился, да пара желудей упала, по зубам они стукнули.

Кряжистый дуб вековой кроной махнул, на стволе его щелки глаз нарисовались, да рот корявый открылся с протяжным скрипом.

– Далеко ли собрался? – прогремело сверху так властно, что Первуша весь сжался и задрожал от ужаса.

– Отпустите к мамоньке! – только и проблеял жалобно, словно овечка.

– Поздно, Лешка! Не смог тебя братец выволить...

– За что? – заскулил Первуша, хотя и знал, что бесполезно это.

– Душа твоя со дня рожденья лесу обещана, ибо не благословлен ты богами! Ни славянскими, ни иными идолами, потому и жить тебе суждено среди леса темного да болота топкого! – прогремел дуб столетний, ветвями качая. – Это я тебе говорю, самый древний леший. Дуб-дубовик, который жил здесь с испокон веков! Давно это было. Тогда и ты, Лешка, еще не зачат был, на месте села вашего лес дремучий листьями по ветру шелестел, а людьми и не пахло вовсе. Многие версты на все стороны кругосвета мое зеленое царство простиралось, и богат лес был зверьем пушистым да птицей красноперой, в озерах рыбы водилось-не переводилось, и казалось наше житье-бытье мирным и счастливым. Вечным! Но всему приходит неожиданный конец. От шелухи мирской, от козявки малой, от двуногих вредителей! Объявились люди в моих дремучих лесах, стали дома рубить, рыбу удить, да зверя себе на потребу бить. Причем род ваш людской очень уж до даров, легко достающихся, жаден оказался. Надо теплую шапку на зиму – не одну лису убьют, а целый выводок. Сколько встретят в лесу, столько и забьют! Пойдет славянин на рыбалку – цельную корзину натаскает. Да так, чтобы на неделю с запасом хватило. А на следующий день опять сети плетет, аспид! А девицы-красавицы так поляны ягодные да грибные ельники обдерут-обкорнают, что опосля лет пять там ничего не родится. Разве ж можно так?

– Ну...

– Молчи, Лешка! Ничего нам не оставалось, как губить русский народ! Гнобить да пако-стить! С пути сбивать, в чащобы заводить, а кое-кого посмышленнее брать себе в услужение. Повезло тебе, что сызмальства лес любил, потому и живой остался. А ведь могло все иначе обернуться! Много есть чего в этом лесу у меня, хотя и стар я уже. Грибы любые – боровики да солоники, красноголовые, моховые... Да и всякой мелочи наберешь, коли захочешь. Ягоды – полно! Малина лесная сладкая, черника гроздьями наливается, есть и брусника с клюквою. Все тебе отдам, Лешка! Зверья – навалом! Белки рыжие, лисы пушистые, несколько медведей живут в далеких урочищах. Волки тоже имеются, как без них? Кто серых кормить зимой будет? Хозяйствуй! Всякая тварь нужна лесу, всякая! Хоть мелкая, хоть злобная, хоть с виду никчемная! Потому и пропадают люди зимой чаще, чтобы волчишки мои сыты были да суровые морозы перенесли. Благодарствуй, что жив будешь!

– Да, что за жизнь это? С шишкою безобразной вместо носа?

– Вечная! Лешие не умирают, как и я, древний Дуб. Старый уже, врос в эту землю корнями, двинуться с места не могу, но до сих пор порядок блюду на несколько верст в округе. Сынок мой, большеногий Вересень, покамест бегаёт, но тоже не вечен, как и жинка его, что

тебя молочком поила. Любой лешак, если молодой, по всему лесу ходит-рыскает, козни людям творит, за хозяйством и всякой тварью живой присматривает. А потом стареет, грузнеет да прирастает корнями к этому старому болоту! А ведь раньше плескалось тут красивое озеро! Налимы водились! Караси! Все ваша братия человечья испоганила-разорила! Так что быть тебе, Лешка, новым хозяином туточки. А коли откажешься – рядом со мной в древесном стволе окажешься. Жизнь-то моя вечная, но невеселая. Смотри, не порадуешься!

Раскололся вдоль ствола дуб крепкий и показал старый лешак нутро свое. А там рыжая гниль одна, все потрескалось, провалилось. Жуки кору точили, мураши яйца откладывали, а в самой глубине змеи сидели черные. Шипели, в клубки сворачивались и грызли тело старого лешего. Живое существо ели поедом.

– Что ж ты, хозяин лесной, не приструнишь гадов ползучих? – удивился Первуша.

– Я лишь над зверьем да птицей господином поставлен. Не подвластны змеюки мне, одно слово – гады! У них свой хозяин имеется, видеть коего не положено никому из нас. Лишь на зиму гаденыши засыпают, малый передых дают, и кора дубовая заново отрастает. Но по весне просыпаются змеи и вновь съедают за лето одежду древесную... Ну что, будешь Лешкою или вторым дубком со мной рядком? Змеи любят молоденькую деревяшечку! Каков ответ твой, отроче избранный?

Чуть кивнул головой Первуша, соглашаясь покорно, и разошлись в стороны корни дуба цепкие, освободили руки-ноги, отпустили на волю нечисть новообращенную. Поднялся, кряхтя, Первуша, который имя новое получил и жизнь иную, потустороннюю. Пришел в лес мальчиком, а стал слугою лесным, Лешкою.

И сразу мир вокруг преобразился. Чудесным стал и красивым. Исчезли темные тени, все беззаботно заиграло жизнью. И запахи новые почувствовались, и голоса послышались.

– Принеси орешков! Принеси! – прожурчало сбоку. Оглянулся Лешка, а это белка рыжая вертихвостая. И не слышно, как говорит, но голос в самой голове эхом отдается, и все понятно становится.

– А мне комариков подгони, подгони! – прохлюпал кто-то.

Открылось знание новое, неведомое. Стал Лешка языки иных существ понимать: и звериный, и птичий, и любой мелкой жужелицы.

Пробудился лес беспокойный. Наперебой начали твари всякие подпевать, перешушукиваться, подарки от нового лесного хозяина выпрашивать.

– Червячков!

– Ягод! Грибов!

– Молодую курочку!

– Человечка, человечка мягонького!

Оглянулся молодой леший и увидел волка серого, что стоял рядом, зубы скалил да огромным языком облизывался. Но не страшно уже стало, ибо понял Лешка, что все ужасное позади, ибо смерти дальше не будет, а будет жизнь иная, вечная. Стал он совсем своим в темном лесу заповедном. И теперь все зверье слушаться Лешку обязано и почитать, словно отца родного.

Осмелел шишконосый мальчик да и зыркнул на зверя грозного так укоряюще, что задрожала шерсть на загривке у волчины матерого, и притих он, скуля. Присел, куцый хвост поджавши.

– Молодец, Лешка! Держи их в узде, серых! Голодный волк более послушен. А стая волчья сильнее будет бера могучего. Медовые разбойники чаще поодиночке живут. Хотя и самые сильные звери в наших лесах северных. Волки стаями охотятся, а какова свора по числу окажется, все от тебя, Лешка, зависеть будет. Далее – всякой твари свой уголок выдели да кормом обеспечь. За лесом неустанно следи – сухостой убирай, а молодняк расти, поливай. Проезжие дороги да большаки заваливай, чтобы людей по лесу меньше шастало, а вот тропки для лося в порядке держи.

Понял Лешка, что Дуб стал ему указания давать, как холопу новому.

– Не слишком ли много у меня службы? А что ж, сынок-то твой не будет за лесом ухаживать?

Дерево вековое сморщилось и погрузтело. Лешка увидел каплю смолы на коре дряблой, как слезу на дедовском веке. Но брови кряжистые старый леший угрюмо сдвинул, да прокряхтел:

– Лес большой, да и сын дурной. Сорока мне рассказала, как он с братом твоим в кости играл, чуть было не продул, сыч колченогий! Этому доходяге вообще ничего доверить нельзя, в прошлом году соседям за Каменным поясом полсотни белок да куниц проиграл! Совсем меня разорил, паскудник! А еще страсть как пьяных путников любит, да ладно бы в лес заводил да губил, как положено. Ан нет! Такие непотребства творит, что рассказать стыдно. Вместе с пьяницами в лесу хмелем угощается, а потом они и пакостят на пару. Ко вдовам да молодым девкам в темной ночи они, огульные безобразники, залазят. Оттого, правда, и рождаются такие, как ты, готовые лешаки.

Задумался Лешка, начал родителей своих вспоминать. Глаза закрыл да представил. Но словно пелена в голове, паутина клейкая образовалась, и не увидел он ни отца своего, ни мать родную...

Часть вторая. Кузнецы и разбойники

4

Прошли года, словно птицы перелетные крыльями прохлопали. Лет пять миновало, и столько же зим снегами дни человеческие замело. А кое-кому и кости. Все переменялось. Старое отжило и скончалось, молодое подросло, к свету потянулось.

Восемнадцать годков исполнилось Больке. Окреп и возмужал бывший мальчишка. Статен стал и красив. Белые волосы, голубые глаза, лицо пригожее. Ни прыща, ни щербинки малой. Девкам – на загляденье, а старикам – помощник да защитник.

Не дожидая бедная мамка до дня этого. Как сгинул Первуша в лесу проклятом, так и захворала несчастная баба. Год всего протянула, старшего сынка вспоминая, и померла на исходе лютой зимы. Угасла, истлела, аки лучина в седой ночи. А, умирая, наказала Больке, чтобы нашел себе по душе дело славное, как любому истинному славянину заведено. Умельцем стать, плотником или кузнецом. Себя обеспечить да жену будущую.

Болеслав-то с топориком ладно умел обращаться, любая деревяшка под его рукой на дело шла. Стол сколотить, дверь поставить – это все в удовольствие было. Но в родном селении жило много сноровистых мужиков, эдак себя не прокормишь. Посему надо в ученики идти: в большой город податься или еще куда, но обязательно попасть к хорошему мастеру.

Малуша, колдунья старая, помогала сиротской семье, приглядывала за Болькой и на путь истинный наставляла. Все те годы, что без мамки Болеслав жил, подкидывала умелому отроку малую работенку, за что кормила да одежду латала. Но вырос он из отроческих портков, грудь раздалась, рубаху треская, и настало время покинуть дом родительский. По миру походить да уму-разуму набираться.

Болеслав, конечно, не о такой доле мечтал. Помнил отца своего, хотя и мал был, когда погиб Усыня. Воином хотел стать Болеслав, защищать землю родную! Много раз во снах полуночных видел отца на белом коне, вдаль закатных лесов летящим. Алый плащ по ветру развеивается, конь жаром пышет, и удалой молодец гонит-разит окаянного супостата. Меч багровым светом в лучах солнца пылает яростно. Почему-то клинок добрый больше всего и запомнился. Как закроешь глаза – так и сияет, аки светоч, меч отцовский!

Кручинился Болеслав, думы тяжелые одолевали. Не брали в княжескую дружину кого ни попадя. Пока не заслужил подвигом или словом добрым от людей хороших не заручился. Покамест придется постранствовать по свету, мир посмотреть и себя-баламошку показать. А вот когда из молодого дурака умный муж вырастет, тогда и добьется он всего, чего сам захочет.

На пять верст к востоку от родного села Медвежьего широкий тракт пролегал, выходящий прямо на Ладогу. К реке Волхову и граду большому. Именно туда держал путь Болеслав.

Возле самого тракта стояла вековая сосна, рядом – старая кузня. Знали обо этом все местные люди, и по-разному к хозяину относились. Кузня на высоком холме, а изба кузнеца – чуть поодаль. На отшибе жил мастер молота и клещей, обособленно ото всей общины. Но мудро поставил себе жилье на большой дороге. Всегда работою обеспечен, ибо место наезженное. Кто-то считал, что якшается кузнец Горазд с нечистой силой, но Болеслав не верил этому. А как в путь отправился после обеда, то к вечеру и подошел к старой кузнице. Думал, что не откажет хозяин приютиться путнику на одну ночь.

Кузня закрытой оказалась, стены уже остывали. И направил стопы свои вниз Болеслав, где виднелся дом кузнеца, да малый дворик, жердинами огороженный.

Но лишь ближе подошел, как послышался крик бабий:

– Волк! Волк! Спаси, родненький!

Дверь избы распахнулась, оттуда выскочил бородатый кузнец, дернул кол из забора и побежал на отчаянный крик. Следом бросилась лохматая дворовая псина.

Болеслав быстро перелез через изгородь.

Огромный взъерошенный волк стоял возле свинарника и жадно облизывался. Охота удалась... На пожухлой траве лежало тельце поросенка, обильно забрызганное кровью. Задрал-таки, ирод! Волчина только собрался пообедать свежатиной, как дворовый пес обнаружил прожорливого серого вора и приготовился защищать хозяйское имущество. Собака была ниже волка, но показывала, что умеет постоять за себя. Пес отчаянно лаял. Однако он, широко растопырив лапы, не решался бросаться на зверя без команды. А волк облизывался голодной слюной, скалил зубы, не желая бросать добычу.

– Взять его, Дружок! Взять! – закричал кузнец и сам уверенно приблизился к лохматому татю, желая двинуть его колом наотмашь. Но – беда! Ноги предательски скользнули по сырой траве, и мужик полетел оземь, лишь слегка чиркнув палкой по серой морде. Волчина ощерился, клацнув зубами. Через мгновение зверь оставил мертвого поросенка и напал на беззащитного кузнеца, но Дружок прыгнул, мелькнув серой тенью, вцепился в лапу хищника. Волк раскрыл пасть, дабы прокусить горло надоедливому псу. Дружок завертелся, но не ослаблял хватки, защищая хозяина. Болеслав недолго думал, поднял первый попавшийся камень и дуриком запустил в башку дикого зверя. Попал! Волк завыл, поскуливая и задирая голову вверх, что дало кузнецу отменный шанс, и он быстро вогнал кол в открывшуюся серую шею.

Но рано было радоваться. Волчина не один пришел за поросятами. Из-за забора мелькнули еще две серые тени и немедленно бросились на людей. Болеслав уже видел летящих через изгородь зверей с красными открытыми пастьями, белыми клыками, как что-то пошло не так.

Все остановилось. В темном лесу позади тына могучие деревья раздвинулись, шелестя листвой, и в проеме силуэт неясный нарисовался. Человек-нечеловек, дух или нежить лесная? И чем-то знакомым тень безликая Болеславу показалась. Запах детства в носу защекотал, быстрые искорки меж глаз пробежали. Непонятно, что случилось, но остановились волки, как по чудодейному волшебству. Заскулили, хвосты поджали и потрусили нехотя в темный лес.

Кузнец уже вылез из-под убитого зверя, хотел кому, убегающему, кол засадить, но остановил его Болеслав.

– Не надо, сами уйдут! Верь мне, дядько Горазд!

Кузнец немного дернулся, но сплюнул и бросил жердину, увидев, что звери покорно возвращаются в лес. Правда, напоследок, обернулся один волчина и так пронзительно посмотрел своими желтыми глазами, жуткими, словно сама смерть. Аж мурашки по коже пробежали...

– Кабы батьку не знал твоего, то бы и не послушал! – вернул Болеслава в реальность кузнец. – Усыня слов на ветер не бросал и мудр был. А я чую, в него ты пошел, не то, что братец твой неразумный. Ну, да ладно, спасибо за подмогу. Подмоги, приберемся тут, в баньку сходим, а опосля потолкуем.

До чего хороша банька! Деревенская русская баня! Как приятно скинуть с себя всю одежду и броситься в тесную каморку, пахнущую лесом, забраться на полоч, вытянуть ноги и подставить спину обжигающему березовому веничку! Ух, замечательно! Ух, еще, еще поддай жару! Изумительно хорошо впитать всеми порами уставшего тела березовую прель, прочистить легкие горячим, обжигающим грудью, воздухом русской парной. Здорово! Стойко выдержать залихватские удары банщика, а когда пар становится невыносимым, выскочить, забыв про все, и нырнуть в прорубь с ледяной водой! Воистину, райское блаженство!

Проруби, правда, не было. Чай, не зима еще, но пруд с освежающей водицей имелся. Туда-то и рванул Болеслав, подгоняемый неугомонным Гораздом. Краснощекий кузнец пре-

следовал его и, настигая, от души лупцевал веником по спине, покуда Болеслав не нырнул в холодную воду.

Настала ночь. Звезды уже разбросались по небу серебристым веером, следуя за своим поводырем – лимонным полумесяцем, освещая зеленые верхушки сосен и небольшое хозяйство кузнеца. Вокруг опустилась незабываемая девственная тишина. Только Дружок совершал вечерний дозор, изредка лая для порядка на грачей-безобразников, залетающих на огород.

Горазд и Болеслав сидели за широким столом в избе и ужинали. Кузнец налил себе медовухи, а гостю предложил квас:

– Не обессудь, но рано тебе, Болеслав, сын Усыни, хмельное пить. Ты еще даже в бою смертном не был и крови настоящей не видел... Вот, как станешь ты старым и дебатым, тогда и пей, сколько выдюжишь. Покуда детей не наделал, не положено себя баловать мужу, а жинке – вообще нельзя. Пьяные бабы дурны становятся. Злы и похотливы. Все беды от них случаются.

Кузнец приумолк, так как вошла жена его, Румяна. Она предложила жареную рыбу, поставив объемную тарелку посередине. Еще угостила собственными овощами: зеленый лук, душистый чеснок, репа, морковь.

– Стало быть, хочешь дело какое освоить? – спросил хозяин, хрустя яблоком.

– Да я, дядько Горазд, в Ладогу иду...

– Чую, чую кровь Усыни. Богатырскую! Воем стать хочешь, как отец. А приданого-то он тебе не оставил. Ни плохонькой кольчужки, ни дрянной сабельки. Сгинул на берегах Волхова, – Горазд вздохнул и налил себе еще меда. – Много верст мы вместе с отцом твоим прошли, многих врагов били. И на Севере обретались, и на южных пределах. И с норманнами бились, и с половцами, и с еще какими подлыми татями. Помню, как за житницы суздальские бились! Тогда много наших полегло, но не пустили мы хмырей чумазых в русские леса, не дали разорять поля и пастбища. Вот ты даже не знаешь, где град этот, Суздаль. Далече, Болька, сильно далече от лесов наших. За один день не дойти, да и за неделю тоже. Велика Русь, необозрима и не обхожена, но богатыри русские, хоть и живут все в разных краях, завсегда друг за друга стоят. Друг за друга и за землю родную! Словно пальцы в могучем мужицком кулаке! Коли великая беда где приключается, клич идет по всей Родине нашей, и едут конными, идут пешими вой со всех земель и весей. С запада и востока, с северных лесов и южных болот. Идут бронные и простолюдины. Кто в лаптях, а кто в сапогах дорогих. С мечами идут и с кольями. Весь честной род славянский собирается. Выступают могучей дружиной и отвечают по чести супротивнику. Ломают хребет любому врагу. Так было, так и будет во все времена, Болька!

С последними словами Горазд сильно ударил кулаком по столу, что Болька аж вздрогнул. Однако, взглянув в добрые глаза кузнеца, осмелился спросить:

– А какой он был при жизни, отец мой?

– Усыня? Хоробр и яростен! Бился, как будто бессмертен он, никогда ничего не боялся.

– А что за меч у него был, дядько?

– Меч? – удивился Горазд, откидывая налипшие волосья с горящих глаз. – А тебе откель про отцов клинок ведомо?

– Снится мне отец на коне и с мечом багровым. Часто снится.

– Кабы не был ты его сын родной, не рассказал бы я этого. Ибо... Хороший меч у Усыни имелся, заговоренный. Из камня небесного, метеоритного. По-особенному выкован да богами освящен.

– Вы ли ковали, дядько? – изумился Болеслав.

– Не я. Прадед твой... – и тут кузнец вдруг замолчал, выпил очередную чарку, моргнул глазом заплывшим: – Спать пора. Завтра вставать раненько. Румяна, проводи Больку на сеновал. Он молод, а ночи теплые, не замерзнет.

5

Жена хозяина не мешала мужскому разговору и не появлялась в горнице без толку, поэтому рассмотреть ее Болеслав сумел только сейчас. Румяна казалась похожей на большую спелую грушу, полная и румяная, что и соответствовало ее имени. Сильные руки, в кости широкая, через одежду выделялась объемистая грудь. Бабы часто раздаются опосля родов, а потомства и не видать. Правда, в селе поговаривали, что у кузнеца молодая дочка имеется. Интересно, где ее прячут, подумал Болеслав, но спрашивать не решился.

Хозяйка молча проводила гостя в сарай, почти до верху наполненный сухим сеном. Душистый запах скошенной травы обволакивал и усыплял.

– Ты высоко не забирайся, – дует там. Но и особо низко не ложись. А то мышка придет, хвостик отгрызет, – прыснула в кулачок Румяна, но продолжила уже серьезно: – Я запирать тебя не буду. Зверья не бойся, если что, Дружок в обиду не даст. Хотя, ты и сам не боишься, да? Ну, спи, герой!

Когда жена кузнеца, мерно покачиваясь, ушла, Болеслав все-таки вскарабкался как можно выше, туда, где почти у самого потолка виднелась узкая щель. Ночной воздух приятно зашекотал нос и обдал лицо свежестью. Тут из сруба просто вытащили одно бревно, дабы сено не прело в закрытом сарае. Удобно устроившись рядом с продолговатой дырой, Болеслав разглядывал окрестности, которые еще не скрыла ночная мгла.

Серая дымка потихоньку поглощала верхушки деревьев, качающихся кронами. Звезды светили ярко, но утром наверняка будет туман, а то и дождь. Вновь потянуло лесными запахами: грибной прелью, сосновой хвоей, начавшейся облетать листвой. Последний летний месяц выдался чудным. Вроде не холодно, но уже и не жарко.

Болеслав задумался. Ему было непонятно, почему все-таки волки не стали нападать и ушли в лес. Горазд тоже недоумевал по этому поводу. Как можно забыть полупрозрачную тень, что будто бы приказала лесным хищникам не трогать людей? Кто это или что? Неведомо.

– Эй, парень, не спишь? – вывел из раздумий тонкий голосок. Болеслав обернулся на сеновал, но никого не увидел.

– Не туда смотришь, – хихикнула невидимая девушка. – Дай руку.

Болеслав выглянул наружу и увидел ладное девичье личико. Незнакомка стояла на приставленной к дому лестнице, чуть-чуть не дотягиваясь до проема в стене. Болеслав, недолго думая, протянул ей руку и втащил вовнутрь.

Вот откуда эта краля взялась? Ночью к незнакомому залезла. Болеслав, конечно, ладный был, далеко не урод, да вот только в родной Медвежке никто ему из свободных девиц не нравился. Да и сами они в любовницы не шибко навязывались.

Надо бы посмотреть, что это за совушка в ночи залетела?

Девка оказалась пригожей. В длинном, узорчатом сарафане, упругая коса до пояса, на лицо – симпатичная. Красавица села рядом, на сене, подогнув коленки, и охнула, томно взглянув.

Луна между тем осторожно посветила в сарай, и мерцающий холодный свет нечаянно прогулялся по незваной гостье.

Ох, хороша девчонка! Темно-рыжие, слегка выщесевшие волосы, перетянутые красной лентой, сама пригожа, родинка у левого глаза, точеный носик, чуть пухлые губы. Тело стройное, пониже плеч выделяются аккуратные холмики груди. Все, как положено по природе.

И почуял Болеслав, что разум теряет. В голове птички запели звонкие, бабочки крыльями замахали. Будто бы отворились воротики резные в сад чудесный.

– А что через дверь нельзя зайти? – выпросил Болеслав.

– Можно... Да только больно она скрипучая... Да и... – девушка покраснела и опустила глаза.

– Что – и?

– Да ладно... Расскажи мне лучше, откуда ты, такой чудной? Видела я, как ты волка приложил, сильный ты...

– Болеслав я, младшой сын Усыни. Слыхала о таком воине?

– Отец сказывал... А я Олеся, Гораздова дочка. Кузнецова Олеся, – ответила гостя, слегка взмахнув ресницами.

– А что я тебя в доме не видел?

– Дык, меня отец в строгости держит... Всякому не показывает... Коли узнает, что я тут с тобой, так не сдобровать нам обоим.

– Ну, это ж не я к тебе в постелю забрался, – хмыкнул Болеслав, но сразу замолчал, поняв, что не те слова сейчас надобны.

Олеся вновь зарделась, словно спелая вишня. И подумал молодец, что неспроста это все.

– А ты что не спишь?

– Догадайся... – слегка потупив взор, ответила Олеся.

Девушка явно не поболтать пришла... Болеслав осторожно тронул Олеся за плечо, и она склонилась к сильной мужской руке, подставляя губы для поцелуя. Не сробел Болеслав, поцеловал деву в губы алые да погладил плечи нежные. Начала она дышать быстро, перси напряглись и вздыбились, чудным запахом обволакивая.

Но тут Олеся чуть отстранилась. Она не спешила сразу же падать в объятия малознакомого.

– Ты не думай, Болька, что я распутная! Нравишься ты мне, – прошептала Олеся, пряча глазенки хитрые. – А кузня наша на отшибе стоит, мало кто из парней заходит. Разве что вои князьи. Да и идут они к отцу, кобылу подковать али меч сладить... А вои-то, у них в каждой деревне по зазнобушке... Сегодня здесь защитничек, завтра – в походе дальнем, а послезавтра нет уж милого, одна могилка в чистом поле! Вот тебе и вои!

Болеслав между тем, хоть и продолжал слушать Олеся, но непрерывно поглаживал тело младое, девичьей красотой пышущее.

– Да и честно скажу тебе, хрома я на ножку левую, – продолжала кузнецова дочь. – В младенчестве мамонька уронила. Бывает, в соседних селах да на ярмарках парни-девицы хоро- воды водят, а я не хожу, стыдно мне. Как спотыкнусь, так и засмеют. Вот и кукую тут, одна-одинешенька. Так вот, Болька... Ну, поцелуй меня еще, больно сладостно ты целуешь!

Кто ж знал, что Олеся так страстна окажется? Закричала милая во все удовольствие, в глазах заискрилось да потемнело, запрыгали оранжевые зайчики, ушами хлопая; а петух предательски прокукарекал... И сразу потолок в раю обвалился!

Собака отчаянно залаяла, шум-гам, переполох. Вскоре послышался и крик разъярившегося кузнеца.

Болеслав недалече думал, чмокнул Олеся в губы, шепотнул любовно и осторожно помог вылезти через щель обратно, наружу сарая. Сам же сплюнул сушеную травинку, туго завязал портки и решил спуститься пониже, как хозяйка Румяна советовала. Однако не рассчитал силушку, зашатался и кубарем скатился прямо под ноги злого Горазда.

Кузнец уже стоял в распахнутых дверях с огромным сверкающим топором.

– Где Олеська, паршивец! Зарублю прелюбодея! – кричал возмущенный папаша, и его всклокоченная борода развевалась на ветру, делая более выразительными безумные голубые глазищи. Лицо горело злобою, как у Перуна, молнии мечущего. Кузнец сгреб парня левой рукой за шкирятник и угрожающе помахал топором перед носом. – Где Олеська, ирод?

А Болеслав скромненько притворился дуриком. Сладко зевнул, удивляясь и притворяясь, слова нарочно запутал:

– Какая леска? Мы что, на рыбалку собрались?

– Ирод! – кузнец гневно отшвырнул Болеслава и полез на вершину копны, шаря у себя под ногами и матюгаясь.

Вскоре кузнец подобрался к узкой щели, внимательно осмотрел и ее.

– А-а, вот оно! – Горазд что-то поднял и гневно потряс над головой, но дальше зачем-то еще сунулся и в само отверстие.

Болеслав понимал, что сейчас гневный отец увидит лестницу и все поймет.

– Проклятье!

И тут вместо всего грузного тела кузнеца в сарае остался лишь полный зад да босые ноги, смешно болтающиеся над потолком. Рассмеялся Болеслав – Горазд просто застрял между сеновалом и двором!

Собака продолжала громко лаять и уже перебудила всех. Всполошились куры, захрюкали поросята, сивый мерин заржал, забил тяжелым копытом.

Во дворе появилась Румяна, потягиваясь и хлопая заспанными глазами. Болеслав, изображая невинно разбуженного, спокойно вышел через дверь из сарая и, обойдя его, увидел другую половину кузнеца, застрявшего в узкой щели. Верхняя часть туловища с топором в одной руке и красной ленточкой в другой (знать, обронила ее девица!) жутко материлась и пыталась дотянуться до лестницы. Топор периодически вонзался в нижние бревна, но ничем не мог помочь ни руке, ни другим частям тела. Вторая рука потешно размахивала ленточкой, кружась, словно знамя победы над взятой крепостью.

– Горазд, ты шо, застрял? – запричитала Румяна, она уже кинулась было подать мужу руку, однако, остерегаясь случайно попасть под шальной топор, остановилась.

И тут на двор вышла Олеся, лукаво улыбнулась и спросила отца, что же он делает.

– А-а, бесстыдница, вот я тебя! – еще больше разошелся кузнец и резво дернулся вперед, царапая вислый живот деревяшкой. Бревно под телом треснуло да прогнулось, и Горазд наконец-то полетел вниз, на сырую землю. Как еще топором не поранился?!

Олеся подошла поближе, ловко вытянула из ослабшей руки кузнеца свою алую ленточку и мило улыбнулась:

– Спасибо, батюшка!

Горазд не успел и голову поднять да ответить подобающе, как Олеся уже скрылась в темной избе.

Через некоторое время и остальные успокоились, вернувшись в дом. Болеслав тоже отправился в сарай, чтобы успеть немного поспать до рассвета.

6

Резвый конь пал от вражьей черной стрелы. Усыня быстро вскочил на ноги и поднял над головой тяжелый меч, багряно сверкающий на солнце. Опешили вороги на одно мгновение, но вскоре вновь двинулись на славянина. «Бить! Бить и разить! Напоить сталь жаркой кровью! За Русь, за землю родную, за слезы вдов, за поруганную честь девичью!» Зычно прокричал русский вой и рьяно бросился на нечистых. Вьюгою закружился огненный меч в сильных руках. Полетели наземь песьи шапки, а с ними и головы, забряцали по земле руки отрубленные с кривыми саблями, а чьи-то долговязые ноги так и остались стоять на земле без тулова. Лютая смерть заиграла в трубу медную, и опешили псы нечестивые. Щитами ощерились, задрожали...

Только откричали первые петухи, как дверь сарая отворилась, и Горазд зычно провозгласил:

– Просыпайся, гость дорогой, на работу пора!

Болеслав едва продрал привыкшие к сонной неге глаза. Вставать не хотелось. Что за работа? Зачем? Видимо, нужно как-то вину перед кузнецом загладить. Пришел в чужой дом, соблазнил, а, может, и того хуже, обрюхатил дочку хозяйскую. Негоже это.

Но не успел Болеслав в своей голове покопаться, додумать, как почуял ушат холодной воды колодезной. Злопамятный кузнец щедро окатил гостя из бадьи, и пришлось быстро подняться, снять промокшую рубаху, уныло пойти за Гораздом.

– Не ссы, парень! Скоро согреешься, сейчас посмотрим, каков ты кузнец, – назидательно произнес Горазд.

Они миновали широкий двор и взобрались на пригорок, к кузне, откуда все еще вился небольшой дымок. Слабый огонь в печке поддерживался всегда и совсем не тушился, дабы в любой момент снова ковать железо.

Внутри кузни было все, для работы кузнечной потребное. Три наковальни высоты разной, большая печь с мехами, которые сразу решили раздуть. По правой стене развешаны подковы, ножи, небольшие мечи – это сразу можно продать или обменять на продукты. По другой стене, – молоты, большие и маленькие, клещи, грубые рукавицы, передники, – все чин по чину. Здесь же виднелось оконце малое, аккурат напротив печи.

– Неправильно ты меха раздуваешь! Дай-ко! – Горазд оттеснил Болеслава и сам принялся рьяно раскачивать козлиные меха. – Там, у стены, посмотри, валялся меча обломок. Ну, меч из него новый не получится, а добрый нож тебе справим. Негоже совсем без ничего мужчине ходить. Чай, не всегда камни под ногами есть!

Болеслав действительно нашел обломок меча, рукоять которого вполне подходила по руке, шероховатая поверхность приятно холодила ладонь. Он рад был получить первое настоящее оружие. Железо, особенно обработанное, стоило дорого, им владели только воины.

Вскоре печь разгорелась, и кузнец зажал обломок металла в клещи, сунул в горнило. Железный конец покраснел, затем побелел, Горазд сноровисто перенес его на наковальню.

– На, держи крепко! Ставь на ребро! – скомандовал мастер, передав клещи Болеславу, сам же взял небольшой молот и начал наносить точные удары по концу заготовки, желая заострить его. Сталь не сразу, но поддавалась. Чуть погодя Горазд скомандовал резко охладить получившийся нож, и Болеслав покорно опустил заготовку в бадью с водой.

– Форма готова! Но, парень, надо еще несколько прогонов, чтобы сталь закалилась и приобрела вид оружия, а не обычного куска железа. Давай теперь я буду держать, а ты куй! – пояснил кузнец.

Горазд самозабвенно работал, продолжая поучать Болеслава. Тот слушал внимательно, ибо видел, что с настоящим мастером довелось встретиться. Такая наука полезна будет.

Через пару часов все телеса у Болеслава болели явственно. В руках почувствовалась приятная боль мышечная, а жар раскаленной печи давал о себе знать, и парень уже истекал потом.

– Ладно, милоч! – сжалился кузнец, когда Болеслав в очередной раз опустил давно уже готовый, по его мнению, ножик в бадью. – Отдохни пока! Но чуть погода заточить бы надо эту железку! Будет, будет из тебя толк! Оставайся на пару недель! А то и поболее. Знаешь же, что должок за тобой... Отработаешь да еще ремеслу обучишься, а после пойдешь, куда надобно. – И тут Горазд перешел на более спокойный тон. Он, видимо, очень нуждался в толковом подмастерье. – Запомни, сынок, лучше ремеслом кой-каким владеть, чем черной работой всю жизнь заниматься да по чужим домам и деревням шляться! Оставайся, в кузне поможешь, да и... Ну, сам знаешь...

Горазд усмехнулся, видимо чувствуя свою правоту. Понял Болеслав и то, что кузнец недоговаривал. На Олеську намекал, паршивец. Почесал Болеслав затылок, кивнул, и нехотя вышел из кузни, сопровождаемый укоризненным взглядом мастера. Надо при кузнице оставаться, а что еще делать-то? На Ладогу путь не близок, а кому он там нужен без умений да в одних обносках? А тут – еда, какая-никакая крыша над головой, да и девчонка замечательная! Но, главное, – его будет учить хороший мастер своего дела, а это дорогого стоит!

Через пару дней Болеслав начал понимать, что настоящий кузнец должен быть не только сильным, но и несколько грузнее. Шире в плечах, матерее. Ковать сталь получалось, но руки и спина сильно уставали, что порою для готовой продукции губительно. То не доковал материал молотом, то недодержал в печке. По-разному бывало, но Горазд оказался хорошим учителем, не столько строгим, сколь справедливым. Старый кузнец помогал в освоении своего дела и не сильно за огрехи наказывал. Чаще Болеслав просто переделывал то, что успел испортить накануне. Аковка доставалась несложная: простые сельхозорудия, домашняя утварь, колечки для девушек, небольшие ножи, кинжалы, наконечники для стрел. Боевые мечи Горазд ковал самолично, не доверял пока, хотя простой нож Болеслав себе уже сделал.

Двор Горазда располагался далеко от окрестных деревень, но кузница стояла на большой проезжей дороге, что позволяло получать солидные барыши со всех проезжающих мимо воинов. А куда им сначала ехать? Конечно, нужно наперво доспехи да оружие сладить, а опосля – в бой, ну, или отдохнуть от дел ратных.

В делах любовных все чередом своим шло, не шибко часто, но сладко и страстно. Олеська вновь показалась на сеновале, чем порадовала. На этот раз никаких явлений да препон ночных не было, поэтому голубки смогли основательно друг другом насладиться.

Родители девушки не вмешивались, смотрели со снисхождением, не приветствуя, но и не препятствуя. Горазд за столом, да и в кузне об этих вещах помалкивал, Болеслав тоже не заикался. Наверняка, хитрый кузнец выжидал, когда Олеська понесет от пришлого. Надеялся отдать замуж свою хромоножку, да и заодно укрепить хозяйство.

Днем ни Олеси, ни ее матери Румяны, Болеслав обычно не видел. Те занимались сбором урожая, заготавливали припасы на зиму. Стоял первый теплый месяц осени, без ночных холодов. Иногда шли мелкие дожди, для хорошего урожая полезные, да и в лесу уродилось много грибов и ягод. Поэтому в трапезной часто появлялись боровики, сдобренные луком или другими овощами. Болеслав, всякий раз видя грибы, вспоминал пропавшего брата своего и хмурился. «Где ж ты, Первуша, братик заблудший?»

К концу третьей недели, когда Болеслав совсем освоился, оказалось, что пора кому-то на ярмарку в стольную Ладогу ехать. Товар кузнечный продать да и подкупить чего, требующееся по хозяйству. Удачливый подмастерье уже мечтал увидеть большой красивый город, но кузнец

хитрил, не желая его отпускать. Были у Горазда свои задумки на эту торговую кампанию. И связи имелись, и люди надежные ратные, что в дороге от лихих разбойников уберегут. Однако дальнейшие события переменили решение кузнеца.

В утро третейника проснулся Болеслав от громкого крика.

– Не поеду! – раздался зычный незнакомый бас.

– Как энто? – ответил Горазд. – Почитай года два ты сопровождаешь дочу мою али жинку.

– И с дочкой не поеду, и с жинкой. Ни с кем не поеду. Своя рубашка ближе к телу.

– Матвей! Да я ж тебе постоянно коня подковываю, да и кольчужку латал намедни. Было ж дело.

– За работу сторицей оплачу, но по тракту проклятому не пойду. И не проси! Лес в последний год стал темен да неласков. Лешаки проклятущие мутят-крутят. Порою по полдня ходишь, чтобы выбраться из глухой чащобы. А еще, сказывают, лихие люди завелись. Целая шайка, дюжины две бесчинных грабастиков. Обдирают народ и не шадят. Режут, да не до крови, до смерти режут, сволочи! А еще про них поговаривают, что человечинкой не брезгуют во трапезе.

– Ах, вот оно племя младое, трусливое! Чуть что – в кусты, да? Неужель, ты, княжий гридень, супостата убоился? – грозно спросил Горазд.

– Не боюсь, но опасуюсь. Сам пропаду, да и не помогу ничем. Что я один против доброго десятка? Дождитесь торгового поезда¹, через неделю же со всех деревень пойдут. С охраной доброй.

Повисло неловкое молчание. Болеслав осторожно полез к знакомой дыре у крыши сарая.

– Неужто и со мной не поедешь? – раздался голос Олеси, и Болеслав улыбнулся, но сразу замер, ибо интересно было, что ответит заезжий воин.

– Нет, Олеся. Сама знаешь, почему?

– А почему? – строго спросил Горазд, заслоня собой дочь.

Болеслав уже смотрел в щель сарая на эту сцену, и видел, как кузнец пронзительно свербит глазами богатыря. А тот гляделся весьма знатно: кольчужная рубашка, шлем маковкой, штаны синие, сапоги кожаные. Подпоясан мечом, на спине щит алый, с ликом Ярилы. Наверняка, и гривна серебряная на шее имелась, только отсюда не видать.

– А потому! – заупрямился Матвей и отвернулся.

И тут понял Болеслав, что настал час его звездный. Протер глаза, отряхнул соломинки да портки подтянул. Шапку нахлобучил, да и выскочил на свет ясный.

– Мастер Горазд, дозвожь мне поехать!

– Че...

– А, ну все понятно... – пробурчал вой, и побрел со двора, что-то гнусава под нос, слышное лишь ему самому.

Сел на доброго коня, взлетел и вдаль поскакал, не щадя бока животины. И опала листва, да вновь поднялась трава на том самом месте, где стоял ранее могучий воин.

– Олеська! – прорычал кузнец, но сразу умолк.

Болеслав и так все понял, а прилюдно себя да Олесю позорить негоже. Ясно, что Матвей этот ранее с ней миловался. А вчерась, видимо, отказала богатырю девица. Значит, не люб ей дружинник княжий, а он, подмастерье, от горшка недавно к железу приученный, стал мил и желанен. Вот оно как в жизни бывает.

Что теперь кузнецу делать? Он плечом дернулся, весь скривился, туда-сюда заходил. Схватил топор из-под крылечка и в ярости вонзил доброе железо в колоду.

– Сладились! Слюбились! Вот бисова дочка!

¹ Поезд – ряд повозок, следующих друг за другом.

– Ну, раз я бисова дочка, то ты, батюшка, и есть настоящий бес окаянный! – сморозила Олеся, и враз схватилась ладошкой за уста свои. И, впрямь, негоже так отца родного называть.

– А ну, подь сюды, шалопутная!

Потупив глаза, подошла Олеся к отцу.

– Ты, Болька, погодь в сарае, я с тобой опосля побеседую.

Пришлось подчиниться, ибо в чужом доме свои порядки не устраивают, а отец со своим чадом сам разбираться должен и учить поросль младую. Как матюгами мужицкими, так и батюгами стоеросовыми. И, неважно, отрок то али юница, седалищное место, – оно у всех одинаково. И время от времени порки хорошей требует.

7

Утренняя роса заблестела на траве высокой, пробежал хлипкий паучок, шевеля мохнатыми лапками. Белочка заелозила по смолистой сосне, дятел высунул из дупла красную маковку, мураши по делам своим заспешили.

Сквозь белесую пелену и хмарь неосязаемую, чуть касаясь мха и валежника старого, для всего зверья невидимы и неслышимы, шли по заросшей бурьяном тропе лешаки. Хозяева леса темного да болота гиблого.

Старый Вересень малого лешачка вел. Вел да премудростям поучал.

– Чуешь, Лешка, кто-то за елкой прячется? Кто-ж там таится?

– Хорь, видимо.

– Ладно. А о чем думает хорь? – спросил Вересень, поглаживая рукой древесной худые плечи молодого.

– А как же я узнаю?

– Позабудь мир явный. Отринь все былое, словно мертвый ты. Закрой глаза и прислушайся. Представь себя не телом осязаемым, но умом беспредельным. Коснись зверька всем своим разумом, прочитай мысли животного. Просто это.

Остановился Лешка. Взлетел над травой высокой, среди корявых ветвей завис, опустил ресницы и открыл свой ум лесному шуму-гомону. И почувствовал, и узрел, и услышал.

Разорвался мир явный, будто улей разбуженный, разлетелся иголками и листьями осиновыми, мыслями зверей и тварей разных. Набросился прямо в голову Лешке, аки поток неудержимый и необузданный.

«Где моя хворостинка, где палочка? Быстрее, быстрее, строить, строить... Нести в дом, строить...»

«Червячок там прячется, сейчас достану...»

«Посижу, подожду-с... неловкая муха сама придет на язычок-с... Красота-с...»

«Зябко... лапки мерзнуть... кожа холодеет... зябко... кушать хочется...»

– Что-то я много чего слышу, дядька Вересень, в голосах путаюсь!

– Э-ээ... Ну, так не один ты в лесу, да и хорь – не один. Полный лес всевозможных приятелей! Леший каждую тварь может услышать, но услышать одно, а понять – другое. Неужель, не различишь, где мысли зверька малого?

– Вроде, про червячка... Ан нет, замерз он, но тоже есть хочет.

– Молодец, Лешка! Смекаешь! А вот дальше смотри, что сделаю!

Тотчас Вересень взмахнул лапами-сучками да взметнулся головой выше всех деревьев могучих. Удлинились ноги-ходули, стали, как сосны вековые, длинные да тяжелые. И зашагал вперед старый леший, словно сказочный великан. Но тихо пошел, почти земли не касаясь, огромные стволы елей лишь чуть потрескивали да стонали, когда их лешак невзначай задевал.

– Догоняй!

Лешка сделал то же движение ручками-деревяшками, и тоже вырос. Не так сильно, как старый Вересень, хотя сажени на три удлинился. И, – поспешил, зашагал за мудрым лешим.

– Осторожнее, шалопут! Что ж ты делаешь?

– А что?

– Вот так всегда! Любой молодой лешак спешит, торопится, и под ноги не смотрит. Оглянись, проказник непутевый! – грозно проскрипел Вересень.

Лешка обернулся и ахнул! За ним весь лес повален оказался, будто злым ветром сшибленный. Малые березки с корнем вырваны, а ели треснули да накренились. Не лес, а бурелом непролазный получился.

– Какой же ты леший, раз не смотришь за хозяйством лесным? Нельзя дом свой, живешь в котором, ломать да портить. Негоже бесчинствовать! Мудрый лешак осторожно ходит и так обретается, что его никому не видно, не слышно. Но сам ты обязан весь лес огромный на сотни верст далеко, но невидимо, осязать. Чувствовать! Понял?

– Хорошо, дядько!

– То-то же. Это второй наш навык, от природы даденный. Можем всякого роста становиться: хоть великаном, хоть карликом. Любую личину знакомую можем на себя натягивать! – в это самое время Вересень стал нормального человеческого роста и обратился в мирного дедушку. Обычного крестьянского вида, в лаптях и простой одежде.

– Хорошо...

– Стой! Чуешь ли? – спохватился старый лешак.

– Звон какой-то издалече пробивается.

– Железо это! – Вересень перетер палые листья между морщинистыми ладонями. Злоба появилась в лице его. – Железо губит лес! Огонь и сталь – враги наши заклятые! Поспешим! Наверняка, опять люди пришли в места тайные-заповедные, лес рубить себе на потребу!

И озбоченные лешаки вновь в росте увеличились. Поскакали, аки долговязые кузнечики, над макушками елок и сосен стройных, едва касаясь черничника и серебристого мха.

Выбежали лешие на небольшую поляну и поняли, что все тут без них уже совершилось. Бились боем смертным люди между собой. Убивали друг дружку сталью и деревом. Но закончили. Непонятно, кто победил в сей битве ратной, увидел Лешка лишь тела человеческие в большом беспорядке разбросанные. Вот воин кольчужный лежит, стрелу в грудь поймавший, рядом – оборванец с дубьем, без ноги, весь окровавленный. Чуть далее два супротивника в смертельном объятии замерли, друг дружку железяками проткнули. Глаза навывкате, мертвые, страше живых кажутся. Правее конь бился, палый. Вена на шее порезана, кровь хлещет, ржет-хрипит коняшка несчастный...

– Ах, что же вы тати проклятые! – вскипел Вересень. – Усю землянику потоптали, поганные! Ах, мерзавцы!

Старый лешак не обращал внимания на человеческих мертвецов. Он, в дедка сурового перекинувшись, ползал по истоптанной поляне и лил слезы над каждой ягодкой, пытаясь поднять смятые кустики. Причитал да нашептывал. Только бесполезно то оказалось.

– Дядько! А кто из них более нам враждебен? Я смотрю, оборванцев больше побито.

– Что? Кто? Да, все они одного роду людского поганого! Двунogie да безголовые! Ты посмотри, и малину тати бессовестные поломали! Чем я косматого кормить стану? Ведь не пойдет мишка за две версты на Очумелый пруд! Ближе-то нет малинки... Ай!

– Дядько Вересень... Но все ж. Кто хуже? Голодрань с дубьем али кольчужные?

– Да кака нашему лесу разница? Лиходеи дерева на дубины ломают да на каждой поляне, что глянется, злые костры жгут. А вои княжие с мечами забавляются да с топориками вострыми. Сталь – лютый враг зелени, а жаркий огонь – не лучше! Рубят воины дерева, калечат траву нежную подковами своих коней. Вон, какой гриб подавили! Ууу...

Вересень так расстроился из-за чудовищного разорения и не заметил, что один из разбойников живой еще. Хотя, лежащий недвижимо да в беспамятстве. Лешка думал сказать об этом, но тут послышался стук копыт да близкие людские голоса.

– Скрываемся, дядько! Люди опять едут! Прячемся!

– А... проклятые...

Старый лешак схватил молодого в охапку да и прыгнул, увлекая, в глубокий овраг под дорогой. Только ветка осиновая затрещала да стволы скрипнули протяжно. Схоронились, спрятались от глаза человеческого.

– И, что? Так и сказал батька? – молвила девица.

– Ага, Олеся. Так и наставлял: «Смотри, Болька! Одна у меня дочурка! Не привезешь в родной дом, найду тебя, охальника, да из-под земли достану! Чтобы через два дня возвратились, да не пустые!» А что ему еще оставалось. Матвей-то не поехал, отказался... – пробурчал светловолосый парень, отводя глаза в сторону.

Немного они помолчали, потом рыжая девка состроила глазки и стала ластиться к вознице. Тот же упрямо не обращал внимания, угрюмый. Лишь теребил-подергивал поводья старой сивой лошади.

– Да не дуйся, ты, Бооо-лечка! Ты мне мил, а не вой этот залетный. Я ж тебе сказывала, каковы они...

Болеслав осторожно скинул с себя девичью руку и передернул плечом, словно муху надоедливую прогнал. Олеся же продолжила:

– Ну, повинюсь я пред тобой. Да. Был мне Матвей любовником, прошло уже все. Уж год как быльем поросло, да лебедой затянулось... Ты слаще целуешься, да и сильнее его будешь. Правда, правда. Ну, поцелуй же...

Наблюдавший из-под древесных корней Лешка призадумался. Почуял, как на сердце что-то заныло-захныкало. Сквозь кору древесную да паутину липкую душа человеческая отзывалась. Билась в тесном стволе, терзалась, но на волю не выйти ей. Особенно ощущалось это, когда голос белокурого парня Лешка слышал. Девка-то незнакомой казалась, а вот Болеслава, вестимо, встречать уже доводилось. На тропках лесных... Или... Ах, точно, тогда также екнуло, на дворе сельском. Волки серые хотели людей задрать, но Лешка вовремя окоротил. Не дал. И хорошо сделал. Пусть у всякой твари свой охотничий удел будет. Волкам – лес дремучий, людям – огород репейчатый!

А, может, злой морок шутовской все это? Муть да проклять! Дядька Вересень охоч до таких гадких шуточек. Сейчас вылезет из-под сосны кривой, покажет свой трухлявый язык с червяками да загогочет истошно. А телега с лошадей и людишками в бурю медведицу с выводком новорожденным обратится.

– Ах, ты мать моя!

Светловолосый остановил телегу, не доехав чутка до поляны, усеянной мертвыми людьми. Девка бешено закричала, лицо руками закрыла. Испугалась, болезная! Не для девичьих глаз поляна сия.

– Олеся! Не смотри, не смотри, родная! Негоже деве на смерть смотреть, вам жизнь новую людям давать, и лишь нам, мужам – отбирать ее.

Олеся отвернулась спиной и глухо закашляла. Знать, помутилось нутро ее от вида крови да смерти человеческой. А от боли чужой сердце заекало-застрекотало.

– Боля... Болечка... – всхлипнула девица. – Ты, если не боишься, посмотри людей убитых. Железки собери... Батьке все сгодится.

– Железки... Надо бы мертвых погребению предать, по обычаю нашему, славянскому. Негоже лежать здесь телам, на потеху проклятым воронам.

– Вот, услышал, Лешка? – дернул Вересень молодого лешака. – Обычай у них такой – сжигать мертвых. Сейчас костер соберут да запалят упокойничков. Деревяшки порубят, кору младую пообдирают. Отравят вонью своей зверье на многие версты вокруг, жженым мясом людским весь лес прокоптят. Ууух, шугануть бы их...

– Дядько! Мне этот Болька знакомым кажется. Может, друг мой али братик? – выспросил Лешка, печалуясь.

– Чур тебя! Чур! Пень через плетень! Злое копыто под бабье корыто! Не может быть у лешака ни друга, ни братика. Твоя семья, сам знаешь, кака! Дуб, я – Вересень да мамка твоя горбатая, Лебедунья. Понял?

Загрусил Лешка, зашевелил руками-листочками. Расстроился.

– А девка-то хороша, хороша девка! – продолжал кряхтеть старый лешак. – Давай в лес заманим, кривыми дорожками заведем. Жинкой твоей будет и Лебедунье в помощь по хозяйству домашнему.

Но Лешка уже не слушал его, а во все глаза смотрел на поляну. А там белокурый русич осторожно бродил меж мертвых тел, гоня уже успевших прилететь на пир смерти воронов. Птицы черные каркали и уходить не спешили.

Вдруг очнулся один из людей павших. Затряс волосьем смоляным, закашлялся, кровавую слюну сплевывая. Поднял чернявый человеке окровавленную голову и застонал:

– Спасите, братцы...

– Сейчас-сейчас... – Болеслав стремглав подбежал помогать раненому.

Лешка же, непонятно зачем, открыл свой разум, и в его голову опять ворвались мысли окружающих живых существ. На этот раз молодой леший быстро отделил думы людские от желаний животных. Девчонка об парне своем мечтала, мгновения счастливые вспоминала, но и смерти боялась. Первый раз столько мертвых тел видела, да не красиво убранных, готовых к погребению, а смятых, изорванных, словно старые тряпичные куклы... Болька желал помочь побитому оборванцу, но и о попутчице своей не забывал. А вот оборванец...

И тут что-то темное нехорошее все сознание лешего заполонило, дернуло-завертело. Закрутило-завьюжило, спеленало и чувств лишило. Словно сама первозданная тьма накинулась и рассмеялась во весь свой жабий бездонный рот... Нехорошим повеяло от незнакомого человека... Боязно стало, но не за себя, и непроизвольно крикнул Лешка:

– Братко! Берегись, братко!

Но не голос раздался из уст лесной нечисти, а рев, человеческому уху непонятный. Заюлюлюкало на весь лес пронзительно и тревожно.

8

Заулююкало, затрещало зловеще, заверещало, и люди замерли в недомыслии. Олеська вздрогнула и задрожала, к Болеславу подобралась, прижалась к плечу, обнимая крепко.

Чернявый лохмач от удивления рот раззявил, да закрыть позабыл. А Болеслав не растерялся, усмехаясь:

– Лешак балуется, ну и безобразник!

Ответом неожиданным лист кленовый с дерева на ладонь лег да затрепетал.

– Страшно мне, Болька! Давай дальше поедем, незачем нам тут оставаться! – предложила Олеся. Она уже мялась у телеги, переступая с ноги на ногу.

– Ничего, милая. Знаю я лес этот, – покачал головой Болеслав. – Хозяин тут справный, за «просто так» не обидит.

– Ага, не обидит... Сказывали селяне про братка твоего...

– Ну, он сам виноват был... Только, погодь... Откуда ты, мил человек? – обратился Болеслав к чернявому оборванцу.

А тот уже не лежал, а сидел на земле, но все еще держался за разбитую голову. Болеслав внимательно оглядел незнакомца. Худой и грязный; тощий, как жердь; волосы неопрятные, нос крючковатый. С виду одет небрежно. Простые штаны, подпоясанные веревкой, холщовая рубаха, шапки на черной всклокоченной голове не оказалось. Видно, обронил в лихом бое. Теперь же чернявый встал и показал кривой рот, где зубов сильно недоставало. Открылось лицо щербатое и неприятное; глаза бегающие, с хитрецей.

– Тровосеки мы... кхм... Мигные тровосеки...

– Чего, чего? – вспучилась Олеся, уперев руки в бока. Видать, не доверяла она проходимцу. Болеслав тож призадумался. Как-то нескладно чернявый талдычил. Интересно, а кто победил в драке? Где остальные бродяжники?

– Ах... Мы тут тровишки лупили на симу... ага... А на нас тохо... Трусинные... Платите, говоят, са лес княсеский... ну и вот... тохо... Ай! А-ааа!

Никто не понял, как случилось, что не в меру красноречивый оборванец нелепо дернулся головой да на толстый сук губой напоролся. Наземь снова упал, по траве распластался, бедовый, но заприметил Болеслав, что из руки его то ли нож, то ли штырь длинный выпал.

– А это что такое? – Болеслав рывком поднял чернявого за грудки и ткнул носом в железку, валяющуюся на траве.

– Ах... эх... Та, это швосдик... Шгвосдик... Вы ж, того... с кужни едете? – прошепелявил бродяжник.

– Откуда узнал? – уже сердито спросил Болеслав.

– Девку... Ее... видел на кужне... как-то... – показал на Олесю грязным пальцем чернявый и залепетал: – Возмите хвостик, авось... ааа... сходится... Для кужни-то...

– Да что ты ноешь постоянно?

– Жуб! А-а... Шук жуб выпил! Штатается, хловянит... А-а... Как яжыком тлону... А-а...

– Сиди тут пока, болезный. Но, чуть дернешься, не помилую! Олеся, дай-ко топорик. Будем неспешно краду готовить, костер погребальный. И это, присматривай за энтим мазуриком. Не доверяю я ему.

Болеслав деловито взял хорошо отточенный топор и приготовился валить первую, по виду, сухую березу. Но не успел.

Проснулась чаща дремучая, в голос зашептала-защелкала. Ветер свирепо подул, во тьме заверещало протяжно, а после завыло печально да заунывно. Подобно диким зверям, лютой зимой голодающим. Захолодело на душе, и в пятки ног что-то затыркалось из-под сырой земли. Раз-другой словно холодными костями-пальцами тронуло. Почудилось Болеславу, что мерт-

вещи с того света к солнышку пробиваются. Возвернулись, дабы навестить своих сродственников. Вой усилился, послышался лай и гомон лесной многоголосый. Черные птицы вспорхнули и сгнули с мертвых тел, и на поляну вышел огромный лохматый волк. Окраса не простого, а белого, аки снег.

Волк твердо стоял на поляне, словно полноправный господин и хозяин всего леса. Не бросался в атаку, но и уходить не спешил. Ждал терпеливо. Его растопыренные лапы властно попирали прибитую жухлую траву, а пронзительные глаза смотрели укоряюще.

Болеслав оцепенел, стал медленно отходить к телеге, где уже бился и рвался в узде взмыленный сивый конь. Олеся с трудом сдерживала испуганную животину, которая вполне могла унести всю повозку со скарбом в глубокий овраг.

Чернявый дровосек, ползающий по земле, улучил момент, обошел слева волка, попытавшись ударить своей грубой железкой, но тот моментально развернулся и двинул тяжелой лапой наотмашь. Так сильно приложил, что чернявого отбросило прямо под копыта ретивой лошади. Ударил лапой волчара, будто от назойливой мухи отмахнулся и опять в стойку величавую возвратился. Продолжил смотреть пронзительно, глаза в глаза.

Болеслав не испугался, ибо понял, не волк – это, а леший перед ними. Главное – не спавать, взгляд выдержать, ибо уважает лесная нечисть людей, духом сильных. Всматривался в глаза зверя Болеслав, и что-то знакомое сквозь зрачки серые промелькнуло, дернуло-прокрутило. Детство вспомнилось, брат пропащий, но лишь мгновение длилось это.

Волк не выдержал. Взгляд отвел, вытянул вверх морду и взвыл заунывно и протяжно. Страшен был этот вой неистовый. Земля затряслась в смятении, сосны закрипели, березки сирые нагнулись, едва не сломались от воя великого. Вздогнул конь и помчал прочь с поляны проклятой. Люди еле успели в телегу запрыгнуть, как Сивка припустил еще быстрее. Елки, березки тощие, бугры замшелые замелькали перед лицом Болеслава, упавшего в старые тряпки.

Вскоре привстал Болеслав. Оглянулся и увидел, что позади, уже далеко, все еще стоит странный волк, окруженный целой стаей своих серых собратьев. Волки свирепо щерились, тявкали, но не двигались в погоню. И, показалось, что они, жожаку послушные, проводили людей еще одним продолжительным воем.

Вечер темный подошел незаметно. Очнулись путники от наваждения, в себя начали приходить. Ибо проехали-проскакали несколько верст без остановок. Болеслав опять услышал причитания незадачливого лесоруба. Успокоить попытался:

– Не хнычь!.. Олеся, долго нам еще ехать?

– Недолго, полверсты с гаком, и будет уже град виден.

Деревья, и правда, становились реже, а дорога казалась более наезженной. Впереди, сквозь куцые кустики и темные стволы пробивался бледный свет, который дарило уходящее на ночной отдых Ярило.

– Ай, не моху... – стонал дровосек, болтаясь на краю телеги. – Мошет, есть тлафка какая, потлечить жуп-то. Ай... Жа гупу всять или отвал намутить?

– Травки нет... – насупилась Олеся. – Но помощь окажем. Болька, держи его крепче, сейчас подам одну батькину штучку.

– Что за фтушка... А-аа...

И тут перед серым носом бродяжника показались ржавые кузнецкие клещи. Болеслав схватил левой рукой голову несчастного, а Олеся уже целилась и всюю щелкала железными щипцами.

– Ну, и какой зуб болит?

– А-ааа... Нет! – глаза чернявого округлились от ужаса. Он извернулся, дернулся и мигом слетел с телеги, чуть не попав под деревянные колеса. Но быстро поднялся на ноги и, ковыляя, припустил в ближайший лесок, истошно крича:

– А-ааа! Ижвелги! Клофопийсы!

Олеся от души рассмеялась, и Болеслав тоже не мог сдержать улыбку. Однако, поинтересовался:

– Зачем ты его напугала?

– А ты не понял, Болька? Разбойник это. Лиходей!

– С чего взяла?

Олеся дернула лошадь, поворачивая по тракту налево и добавила:

– Головой думай. Княжие вои не стали бы бить лесорубов. Пожурили бы да отпустили. Что брать в лесу с людей? Какой налог? За поборами в села дружина ездит.

– Верно, Олеся. Ну, ты умна!

– Не так умна, как научена. Чай, не первый раз на ярмарку еду! Знаю я еще, что не рубят в этих местах лес. Никогда не рубили. Там дерево берут, где по воде спустить можно. Ближе к большой реке.

Болеслав очень удивился познаниям Олеся. Теперь с другой стороны ее узнавал. Олеся оказалась не только красивой, но и умом житейским обладающей.

– А было вот как: – продолжила рыженькая. – Поехал один княжий вой по дороге. С умыслом. Одиночка – вроде приманки, добычи легкой. Сам знаешь: бронь и оружие хорошие всегда ценятся. А остальные гридни в засаде схоронились. Ну и вот. Выскочили лиходеи на дружинного, но не тут-то было. Кольчужные соратники быстро подтянулись. Драка завязалась, лесные людишки дерутся плохо, но хорошо тропы тайные знают. Всю жизнь промышляют по лесу. Пеший пройдет везде. Не то, что конь. И по болоту топкому, и по бурелому безлошадный пролезет. Потому и побежали врассыпную грабастики, ну а вои их гнать начали. Аки кабанов свирепых. Оставили покамест на поляне мертвых. И своих, и чужих... Мы их и нашли, а вот что дальше случилось, это не ведаю я... Волк какой-то странный!

Болеслав задумался, но потом высказал:

– Лешак-то был, Олеска. Леший в волка белого обернулся и стращать начал. Не дал краду сложить! Свои, свои счета у меня с ним! Брата моего в темный лес завел и отринул от людского всего. Чую я, не мертвый Первуша, брат мой родной. В лесу живет со страшилами... Кто знает, может это он помог от татя избавиться?

Выпалил все это и замолк на время. Но Олеся чуть погодя продолжила:

– Ага. Гвоздик, вишь, у него... Знаю я, каковы раны таким «гвоздиком» делают. Батка правил подобное на заказ. «Нож милости» называется. В норманнские доспехи меж пластин, как шило, входит. До сердца достает.

– Правда, что ли? Я подумал, действительно, гвоздь...

– Болька! Кабы не сила нечистая, лежали бы мы с тобой на той самой поляне. А тать бы телегу угнал, полную кузнецкой работы. Кто знает, сколько в лесу воров, и как они сноровисты? Смекаешь?

– Умна ты, Олеся! – удивился Болеслав. – Да, тем, что Горазд наковал, мазуриков двадцать вооружить можно! От большой беды спасла нечисть незримая... Не надо было нам этого бродягу отпускать!

– Ну, я думала, до города доведем да сдадим страже. Не получилось.

– Так надо было догнать!

– Ладно... Беззубый враг не так страшен.

9

Впереди высились аккуратные остроконечные башенки городской крепости. Всего их видно три, соединенных справной стеной каменной. Рядышком стояли похожие башни, но уже деревянные. На весь город крепкого материала не хватило. Чуть поодаль притулились обычные деревенские избы, знакомые с детства. Точно в такой же избушке и родился, и вырос Болеслав, да и почти любой русич.

Крепость построена с умом. Со многими уровнями обороны. В случае опасности все окрестные жители уходили в каменную твердыню, которая хорошо защищалась. Да, и расположена крепость удачно. Омываемая с севера и востока речными водами, Ладога имела лишь один рукотворный ров, не слишком широкий, но достаточный для длительной обороны.

Деревянный мост выходил к главным воротам кремля, но в саму крепость Олеся не повела кобылу. Достаточно остановиться рядом с огромным рынком, который к вечеру уже затихал. Люди готовились разойтись по своим домам и повозкам, чтобы продолжить торговлю наутро.

Кузнец Горазд так раньше и ездил на эту, ладожскую ярмарку: с утра торопился, чтобы к вечеру добраться. А на следующий день, после полудня сворачивал торговую лавочку. Дальше – по мере движения товара. Если весь товар быстро расходился, то уже на второй день двигался в обратный путь. Подобным образом хотела поступить и его дочь, Олеся.

Запалив вечерний костер, путники быстро поужинали и улеглись спать. Болеслав очень удивился, но лагерь торговцев охранялся дружинным караулом. Каждый купец или мастеровой платил за охрану небольшой взнос и мог отдыхать спокойно, не опасаясь воров, разбойников и иных шалопутов. Олеся же тут давно знали. Чай, не первый раз на ярмарку ездила. Она быстро договорилась с княжими воями, предложив вместо денег небольшой, но хорошо сделанный нож.

Спали прямо в телеге, укутавшись старой дерюгой. Как ни хотелось Болеславу приласкать свою милую, но понимал, что негоже это делать на глазах у всего честного народа. Если не увидят, то услышат, ибо Олеся страстна в забавах любовных.

Наутро солнышко осветило телеги, торговые палатки и большую проезжую дорогу. Новый день начинался, даря радость и хорошую погоду. Бодрые молодецкие крики разорвали сонную дрему, одолевающую Болеслава. Это первые торговцы зазывали покупателей, нахваливали свой товар. Чего только не предлагали! Ковры персидские, добрых коней да всякую другую скотину, обувь справную, одежду для любого чина и сословия, цветастые ткани, яства заморские, домашнюю утварь, посуду и совсем уж диковинные вещи, чего сельский парень никогда не видывал. Рядом со знакомыми кушаньями, вроде селедки и соленых грибов, соседствовали необычные южные фрукты, непонятно как не испортившиеся при длительном путешествии. Известно было, что на юг, там, где бьется о желтый песок Русское море, дней пятнадцать идти. Хоть, и по рекам да по наезженным трактам, но путь не близок. А разбойников да других каверз, чем южнее, – тем больше, ибо леса там кончаются, сменяясь голыми выжженными степями. Бродяг, конечно, и в северных чащобах хватало, но чаще – пеших. Конные степняки опаснее: налетят, будто ветер, нагрябят и также быстро по маковым полям развеются. Пойди, поищи ветра в поле!

Народу толкалось много, все разного чина и сословия. Купцы в меховых шубах, несмотря на теплую пору; холопы – босые и в рвань; мастеровые, одетые скромно, но добротнo. А посреди площади развлекали люд скоморохи. Один бил в большой бубен, другие прыгали с малыми бубенчиками рядом, совершая разные удалые выкрутасы. То на руках пройдутся, то

колесом согнутся. Немного в стороне толстый купец потчевал народ хмельным медком. Шум и гам стоял такой, будто все тут пришли на праздник, а не на обычную ярмарку.

– Поберегись! Посторонись! – раздался властный голос, и на брусчатку выехали двое конных гридней. Болеслав заметил, что за ними идет скорбный тележный караван. На телегах сидели плачущие бабы с детьми, а мужики понуро шли рядом, со связанными руками. Это вели к князю бывших разбойников и душегубцев.

– А баб и детей за что? – удивился Болеслав.

– А куда муж, туда и жена! – раздался осторожный голос. – Будет пир из человечинки...

– Что? – изумился ученик кузнеца.

– Зло обитает в подвалах ладожских... – продолжил давешний скоморох, но как только Болеслав попросил рассказать подробнее, тот сразу прикинулся убогим, пустил соплю из носа зеленую, замычал да отошел в сторону.

– Да не слушай ты его! Не видишь – убогий! – рассудила Олеся. – Мало ли за что людей в крепость ведут. В одном правда, коли муж – вор, то и жену его к рукам забирают. А у князя нашего, Жирослава, работа для любого найдется. Не сам же он себе порты стирает... – хихикнула рыжая и прыснула в кулачок.

Олеся долго не мудрствовала. Она просто расположила узкую телегу с краю, вдоль проезжей дороги. Получилось неплохое торговое место. Коня к тому времени уже отправили в местную конюшню для отдыха. Это также входило в правила рынка, ведь любое животное требует надлежащего ухода, да и посторонних запахов будет меньше, что скажется на общем количестве покупателей.

Болеслав по просьбе Олеси достал малый кузнецкий набор (откуда и были уже знакомые клещи) и приколотил на борт телеги подкову. Теперь все прохожие понимали, что здесь можно купить оружие и доспехи, возможно простую услугу кузнецкую получить: подковать лошадь или скрепить порванные звенья кольчуги. Сложнаяковка, конечно, невозможна без печи и кузни, но, это и не требовалось. Ведь в большом городе был свой кузнец, и не один. Работу сделать любую мог, а вот цены на свой товар у него дороже, чем у сельского мастера, Горазда.

Торговля шла бойко. Сперва продали несколько мечей, ибо добрая сталь редко залеживается. Каленые наконечники быстро скупил дружинники, а готовых стрел в возке и не водилось, – Горазд не хотел набивать телегу деревянными прутиками, которые можно настругать в любом лесу. На стрелу приладить наконечник легко, такую услугу Болеслав мог оказать по желанию, и многие вои уходили уже с полными колчанами.

Кольчуги продавались плохо. Такая работа считалась самой трудоемкой и дорогой, и Олеся ни в какую не желала отдавать железные рубашки, дешевле чем за три арабские деньги. Серебряные восточные деньги ходили в Ладоге наравне с «глазками». Эти красивые бусы варились в самом городе, но стоили баснословно дорого. Только богатые барыни могли украшать свою шею узором из десяти-пятнадцати бусинок. А одна бусинка стоила пять серебрянных арабских денег-дирхемов.

После полудня к телеге подошел гридень, показавшийся Болеславу знакомым. Ученик кузнеца присмотрелся и понял, что в лавку заявился тот самый Матвей, что отказался сопровождать Олесю в Ладогу. Тогда княжий дружинник быстро уехал, а теперь Болеслав смог внимательней рассмотреть его.

Гридень казался очень кряжистым и сильным, значит, Олеся лукавила, когда в своих проказах винулась. Широкие плечи, высок и статен, лицом светел, борода небольшая. А вот боевых шрамов не видать. Это могло говорить о всяком. То ли боец искусный, то ли прослужил мало, не успел побывать в серьезных переделках. И еще в облике Матвея виделось что-то неуклюжее, медвежье.

– Олеся! Добралась-таки! Молодец! – весело пробасил княжий дружинник, но, завидя Болеслава, слегка замешкался.

– Да, видишь ли... Нужда заставит, – ответила, не робея, рыжеволосая. – Как без осенней ярмарки? Зима будет суровой, кудесники бают. Запасаться надо.

– Ну-ну... Почем шлемак? – Матвей ткнул пальцем в высокий округлый шлем с бармицей.

– Одна арабская.

– Дорого, дорого... А, может, уступишь по старой дружбе, а? – лукаво подмигнул гридень.

– Нет.

– Ну, Олеся... – и Матвей слегка погладил ее по плечу. Небрежно провел большой рукой-лапой, основательно общупал, как рабыню свою иль наложницу.

А Болеслав увидел сие нахальство да вскипел, будто котел с манной кашей. Лицо краской налилось, забурлила кровь горячая, молодая.

– Осторожнее, раздавишь!

– Заткнись, сопляк! – рявкнул Матвей и посмотрел злобно. Он явно считал, что имеет право поступать, как захочет. Конечно, тут город княжий, а не двор Горазда, с которым ссориться нельзя. Кольчужный сейчас может отдубасить и даже убить соперника, это ему ничего не стоит. Вернее, стоит, но недорого. Слышал Болеслав, что гридни особой защитой от князя обладают. Виру² заплатит вой малую и все. Задумался Болеслав, как лицо не потерять и живым остаться.

– А давай, Матвей, на кулачках поборемся!

Рассмеялся богатырь в темную бороду:

– Негоже дружиннику на кулачках, аки шелупонь биться. Неужель, доброй стали испугался, червь?

И сразу же сверкнул, вытащенный из ножен, тяжелый полуторный меч.

– Прекрати, бешеный! – встряла Олеся. – Это ж смертоубийство получится. Болька – простой парень, не обучен на боевых железках биться.

Теперь и Матвей остановился. Выглядеть в глазах девицы безжалостным палачом ему явно не хотелось. Но в воздухе уже словно грозовые тучи напучились, а с бровей молнии полыхнули, вот-вот гром разразится.

– Может, на палках свой спор разрешим? – предложил Болеслав.

Гридень хмыкнул, согласен стало быть. Считал Матвей, что он, со своим весом и статью богатырской каждого может победить и любым оружием. Но не ведал Матвей, что Болеслав с младенчества хотел воином стать, на жердинах да деревянных мечях все детство озорное махался. Конечно, навыков боевых убийственных не имел, но орясиной владел знатно.

Рынок притих, ожидая зрелища. Замерли все люди торговые да гости заезжие. Круг для честного поединка освободили.

Вышли на удалую потеху взрослые мальчишки. Добрая палка в руках у каждого. Начали жердинами махать, друг о друга стучать, колеса-мельницы крутить да отвешивать добрые зуботычины. Матвей здоровый, да неповоротливый. На силу надеялся, а ловкости, легкости в телах не доставало. Бил-крушил, могучие удары один за другим отвешивал, а достать парнишку юркого никак не свезло. Пару раз по рукам голым задел, но не шибко. А худой светловолосый ловкач крутился-вертелся возле тяжелого воина. Вправо, влево качался, промеж чужих ног-столбов перекатывался, даже стукнул раз по бедру гридня. Но, как пробьешь такую слоновою

² Вира – денежный штраф.

кожицу? Бесполезно. Не могли оба ни победить, ни проиграть. Устали бойцы, взмокли, запарились, тяжело дыша. Уж совсем измаялись, но только пыль столбом на толковище подняли.

Болеслав хитро придумал. Размахнулся широко, показав, что бить будет. Матвей на него кабаном бросился, а Болеслав развернулся, в сторону отошел, да палку на уголок в землю поставил. Наткнулся на нее вой княжий и грохнулся всем телом тяжелым. Однако, не сплосховал, в падении перехватил, аки копье, свою палку да запустил в открытую спину противника. Лишь увидел, что попал, как головой грузно о плетень приложился, сучьем щеку царапая. Взвыл от боли и крови. Но и Болеслав уже лежал на земле, ибо добрая орясина ему меж лопаток хорошо тыкнула. И никто не победил, значит.

– Очнулись, драчуны? – послышался смех Олеси, и Болеслав открыл глаза. На улице уже вечерело, на небо выкатился лунный желтый блин. Последние осенние комары противно жужжали.

Ощупал себя Болеслав торопливо. Спина еще немного болела, но руки-ноги действовали, значит, ничего не поломано. Ну, и хорошо.

Слева послышался могучий вздох и запахло ядреным мужским потом. Обернулся Болеслав, а это Матвей рядом с ним лежал на телеге, с ногами свесившимися. Не поместился детина полностью.

– Эх... Здорово ты меня обманул, парень... – привстал гридень на локотках. Удивительно, но гнев его испарился, будто не было.

– Матвей, продолжим, может быть, назавтра спор наш? – пожал плечами Болеслав и залыбился.

– Я вам продолжу! – возмутилась Олеся, уперев руки в бока. – Хватит уже, навоевались. Если вы из-за меня сцепились, то я вам вот что скажу. Ни за кого из вас под венец не пойду! А захочу, так и не подпущу близко. Тоже мне, петухи драчливые!

Болеслав удивился. Поначалу хрупкая и милая Олеся открывала разные стороны своего норова, и всякий раз неожиданно. Теперь она казалась обычной стервозной бабой, коих много на Руси обретается.

– Слушай, Матвей! Подарю я тебе шелом с бармицей, коли услугу окажешь, – уронила Олеся после некоторого молчания.

– Да, я ж. Ну, что смогу... – зарделся гридень. – Ты это... только намекни...

– Сможешь, сможешь... Намекать не буду, а прямо скажу. Только для начала помирись, Матвей, с Болеславом. Выпейте мировую. Это для всех нас лучше будет.

– Добро. Если посельчанин не против.

Болеслав понял, что у Олеси имеется свой замысел, для дела общего полезный, потому и кивнул молча. Кузнецова дочь мигом вытащила пузатый кувшин и налила чарку полную, протянула Матвею. Полагала, видимо, что большую часть дюжий вой выпьет. Ведь по возрасту еще не положено Болеславу хмельное пить: сына не родил, да и в бою смертном не был.

Однако Матвей все же оставил чутка на доньшке, потому и Болеславу удалось губы в сладком медку обмочить.

– Мир, значит, – протянул руку гридень. Пожал холодную ладонь да так стиснул, что косточки затрещали. Сильный, зараза.

– Завтра, ребята, нам назад ехать... – начала Олеся.

– А что, уже все распродали? Вроде еще полтелеги оружия оставалось... – удивился Болеслав.

– Не осталось. Пока вы после драки своей отдыхали, заявился местный кузнец, да все гуртом и скупил. Мы часто так продаем. Если батька много накует, то можно еще раз до зимы на ярмарку успеть съездить. А наковать может достаточно.

– Ну...

– Вон, городской мастер целых два мешка железного лома в придачу отдал. Я знаю, что батька все переплавит, да нужные вещи сделает, – и Олеся, действительно, показала в углу телеги два толстых холщовых мешка. Сквозь ткань топорщились и пробивались железяки.

– А почему местный сам железо не переплавит? – удивился Болеслав.

– Знаю я этого кузнеца, – вставил свое слово Матвей. – Ленив стал да жаден. Больше не кузнец, а купец али золотарь. Угодник барский. Колечки-перстеньки для боярских девок да иноземных купчин делает. А оружие и бронь у простых кузнецов скупает.

– Ну, цену-то хорошую заплатил, – опустила глаза Олеся.

– Да, понятно. Только и сам внакладе не будет, продаст еще дороже. Клеймо на каждый меч поставит, будто товар именитого мастера. А такие клинки всегда ценятся. Ладно, все это присказка, как я понял. Что от меня-то надобно?

– Проводи до батьки, Матвей. Не доехать нам с Большой. Ибо не воин он, а я только приманка для люда лиходейного. По дороге лесной злыдни шастают. Сюда ехали, чуть не напоролись, а обратно-то не с товаром, а с деньгой полновесной идтить. Сами пропадем, да и батька с мамкой в нужде окажутся.

– Хе... Ну я же не зря отказывался. Опасно в лесу. Подождали бы поезд!

– И сейчас не поедешь? Лихого люда боишься?

– Подожди, Олеся, я же пока не отказался. Покумекаю... Налей-ко еще медку! – усмехнулся Матвей, и когда она исполнила просьбу, осторожно глотнул. Вытер окладистые усы и сказывал:

– Видели мы, гридни, недавно тех разбойников, хотели словить, но быстроноги они оказались. Мы шестерых татей положили, но и сами не все домой вернулись. Погнались за остальными, а те – в россыпи, только голые пятки засверкали. Весь вечер за лиходеями по лесу окаянному прокатались. Я шелом потерял, а Окунь коня лишился. – вздохнул Матвей. – А еще там лешак дюже злой завелся, дороги путает и зверье на людей натравливает. То – другая беда, но разбойников малость поубавилось.

– С лешаком буйным, быть может, Болеслав разберется... У него брат... хм... – заявила Олеся. – Но с лихими людишками нам, Матвей, убогим, не справиться. Не добились вы, гридни, одного. Мы случаем подобрали подранка. Хорошо, что этот тать нас не сгубил, но утек... Утек, да всяко запомнил... Боюсь, что соберет ватагу, да навалятся на пути обратном.

– Раньше надо было его ловить, – вздохнул Болеслав.

– По незнакомому лесу? – упрекнула Олеся. – Вот ты бы кинулся, а он закрутил бы, завертел, не хуже лешака. Не геройствуй! Ну, так что, Матвей, поможешь?

10

На широкой солнечной поляне, недалеко от торгового тракта, сидели два лихих человека. Один – чернявый да худой, а второй – коренастый да бородатый. Сидели, о делах своих разбойных балакали.

– Штырь, ты не рыпайся! Я сейчас тя испужаю, дернешься, и зуб выпадет! – молвил бородач. Он уже приготовил рогатину, чтобы шутейно тыкнуть ее в глаза товарищу.

– Аах... – Штырь испуганно прикрыл глаза и продолжил сидеть, словно истукан. Не шелохнувшись.

– Да ты чего очи закрыл, аки немощный! И как ты рогульки моей забоишься, ежели не видишь ничего? – возмутился приятель.

– Аах... И так – польно, и так – стлажно...

– Страшно на ветке сосновой с петлей на шее оказаться, а тут – был зуб и нетушки. Ну-ка, давай. Эээх!

Но Штырь чуть уклонился от рогатины, а потом и вовсе упал головой назад, ноя и всхлипывая. Даже слеза побежала по грязной щеке вора.

– Ну, и что ты сделал, Штырек? Зачем веревочку резанул? Я ж с умыслом привязал ее к твоему зубу да к елке, чтоб испужался ты. Дернешься, большой зуб вылетит, и все!

– Нет! Не тложь мой супик! Мозет, он есе мне схотится... Дай луше хмеля...

– Эх, бедолага... Ну пей, пей, босяк! Энтот поможет, да, но ненадолго! – и грузный тать подал Штырю полный ковш с пьянящим отваром.

Штырь пил маленькими глотками, морщился и судорожно сплевывал, ахая и хватаясь за распухшую щеку. Чуть погодя отставил ковш в сторону.

– Куфалда! Натоть жасату хотовать! Аах... Нажат энтот кужнеский лапотник с зинкой поедет! Аах... Жнамо с ялмалки, с деньхой полновесной...

– Да, много ль у них взять можно? – прохрипел Кувалда.

– Ну, схолхо полуфится. Аах... Но, тумая, хватит, – заявил чернявый. – Мозет, втвоем слатим, не путем со фсей фатахой телиться?

– Ты это брось, сволочь! Привык все себе, гнида, грабастать! Отвыкай! – Кувалда ответил хлипкому вору легкий подзатыльник и продолжил: – Чай, забыл, что половину добрых друзей наших гридни побили? Они, моет, опять по лесу шастают, нашей погибели жаждут! Стосковалась шея по топорыку?

В темном лесу зашелестело-заулюлюкало, и среди густых листьев показались осторожные нечеловеческие глаза. Затем и другие – густыми лохматыми ресницами рядышком. Появившиеся ниоткуда лешаки прислушались да стали перешептываться.

– Дядько! Опять они собираются друг друга грабить да убивать! Давай подмогнем кому...

– Забыл, Лешка! Нам эти перепалки людские не важны совсем. Пусть хоть усе меж собой подерутся-перекалечатся! Я даже так сей же час свершу, чтобы никто из леса моего живым не вышел. Во как! Зайдут да не возвратятся! – ответил коварный Вересень, злобно хихикая в древесную бороду.

Замолчал Лешка, задумался. Всклипнул носом-шишкой, и потекла смола по коре сырая, тягучая.

А с подветренной стороны ржанье лошадиное раздалось. Далече еще, но ясно, что конные люди идут. Другие. Супротивники лихих разбойников. По большому тракту пойдут, не иначе. И почуял Лешка, что едет среди них человек, родной и близкий ему.

– Ах, чтоб их всех тудыть-растудыть! Никакого покою нет в потаенном лесу нашем. Надоели! Уж я вам сейчас задам! – всклокотал Вересень и быстро начал в росте увеличиваться.

Взметнулись коростюю дерева-ноги в вышину, и поскакал старый лешак по лесу, как очумелый. Ветер раздул-разогнал до бури бешеной. Деревья, аки малые щепки, поломал, листву-траву разбросал, кусты с кореньями вырвал, и по болотам запрыгал так, что темные воды выплескивались и по лесу текли беспорядочно. А больше всего на дорогу проезжую Вересень взелся. Пробежал по ней грузным кабанчиком и повалил сосны да елки в разны стороны. Прыгал, ногой деревянной дрыгал, скрипел да гудел, на пол версты бурелома непролазного наломал. Так тракт человеческий завалил, что не проехать теперь ни на телеге, ни на лошади. Да и пешком, пока сквозь чащобу пройдешь, всю одежду о сучки пообкорнаешь.

Ну, начудил старый лешак, да и дальше в темный лес помчался, как петух ошпаренный. А Лешка не пошел за ним, близ полянки остался, ибо что-то заныло опять под корою древесной у него, защекотало подмышками. Слеза-смола потекла по стволу и в землю холодную пала.

Разбойны люди, непонятно как, давно скрылись из виду, но знал молодой лешак, что не ушли они далече, а вернуться скоро с лихой ватагою да под елями темными скроются. Ибо готовят тати смертоубийство да грабительство.

Солнце перешло на вечернюю сторону, как лес малость успокоился. Затих, отдыхая от бесчинства старого Вересня. Заслышал Лешка, что конь рядышком копытом землю проминает, колесо старое скрипнуло да вожжа молодецки свистнула.

Ехала по дороге телега старая. Сивый мерин вел ее, кивая головой усталой, гривой лохматой помахивая. На телеге три человека сидели: два мужа и девица. Один парень – лапотник, а второй – в кольчуге воинской. Позади подводы еще один конь, привязанный, землю топтал. Боевой конь, хороший. Ему бы не в поводу так идти притороченным, а на буйну сечу скакать, чтоб ярый всадник разил неприятеля.

– Олеся, смотри! Что за диво? – молвил светловолосый парень.

– Чего узрел, Болька?

– Будто полыхнуло светом зеленым из мешка с железками.

– Чур, тебя, привиделось. Солнышко зраком играет, тени-зайчики бегают, вот и видится то, чего нет вовсе.

– Не-не, вот! Смотри, опять! – настаивал Болеслав. Теперь уже Олеся и второй человеке, могучий дюже, обернулись на пыльный куль, лежащий в углу телеги.

– Может, и привиделось. – задумчиво прошептал кольчужный. Немного помолчал, но продолжил: – Сказывают, что был такой богатырь великий. Усыня.

– Это ж батько мой! – выпалил Болеслав.

– Да ну, правда, что ли? Тогда понятно, почему ты, деревенщина, вчерась на меня полез бесстрашно. Усыня, бают, отчаянным был.

– Ой, вот опять! Зеленый свет полыхнул! Блиско-блиско!

Теперь уже гридень не отводил взгляда от мешка и продолжил:

– Меч у Усыни имелся. Необычный. Из камня небесного выкован. Крепости и силы невиданной. Так вот, говорят, когда ворог рядом, меч тот чудесный багровым пламенем светился яростно. На битву звал! Сам из рук человеческих рвался на злого ворога!

– Правда-то, батько сказывал... – подтвердила Олеся. – Только алый цвет – не зеленый. Зеленью лишь руда медная старая покрывается. Но – не светится.

– Вон! Вон!

Олеся остановила лошадь, и все путники моментально уставились на старый холщовый мешок, из которого действительно пробивался слабый, едва видимый, зеленый свет. Будто неожиданное зеленое солнышко, за тучами темными спрятанное.

Моргнуло и померкло. Потом вновь засветилось.

– Матвей, ну-ка, пособи.

Гридень взялся за край мешка и осторожно стал высыпать железки на дно телеги. Грохот поднялся, да пыль трухлявая, ржавая вверх взлетела. Железные крюки, обломки ножей, проржавленные бармицы, затупленные наконечники грузно шмякались и глухо гремели. Чуть высыпав металлический хлам, Матвей немного подождал, и когда вновь зазеленело в самом мешке, продолжил поиски. Со второго раза среди остального железного лома вылетели обломок меча и осколок нагрудной пластины. Матвей довольно хмыкнул и решил продолжить, но глазастый Болеслав остановил его:

– Меч! Меч светится!

И, действительно, малый обломок боевого меча едва светился зеленым сиянием. Поток изумрудных лучей свободно гулял от обломанного конца до каленой крестовины и уцелевшей рукояти. Потом все зеленые ручейки вместе собирались в округлое навершие, и оно вспыхивало, словно дорогой драгоценный камень.

Матвей взял в руку обломанный меч, повертел, махнул пару раз и протянул Болеславу:

– Ну, не ведаю... Может быть, чудодейный меч это. Колдовской. Но, сломан, вишь. Раза в три наращивать надо... Прибереги, вы, кузнецы, переплавите-перекуете или нож сладите...

Болеслав принял обломок грозного оружия и осторожно провел по нему ладонью, стараясь не касаться режущей кромки, что все еще острой оставалась.

Пока мужи разговаривали, девица потихоньку телегу по тракту правила. Чудный меч, конечно, но им мешкати невозможно. Надо быстрее темный лес миновать да домой ворочаться до сумерек.

Но немного они проехать успели.

– Ох, батюшки! – послышался крик Олеси. – Как же дале-то?

И тут путники увидели, что дорога впереди вся завалена сухими деревьями да кое-где перерыта, будто вспахана. Это проказник Вересень, человеческий род ненавидящий, ходулями тяжелыми проборошил.

Задумались, замешкались. Мужы вышли, сосну ближайшую павшую осмотрели, да поняли, что не сдвинуть ее вдвоем. Тяжела да сучковата. Пока тащишь, – много раз за другие деревья зацепится. Да застрянет.

И тут обломок меча багровым тревожным сиянием засверкал! Будто кровию налился человеческой. Оторопел Болеслав.

Разорвал тишину свист молодецкий. Из-за деревьев повалили лихие разбойники. Тати грязные, в шматье драном да с дубьем стоеросовым. Бегут страшные беспощадные! Глаза навывкате. Орут-гогочут, окаянные!

Матвей думал недолго. Меч добрый вынул и прыгнул вон из телеги. Первые две разбойничьи стрелы свистнули да в небеса улетели. Третья гридню в плечо вонзилась, только тот обломал ее и в сторону отбросил, как хилую соломинку. А опосля коварный лучник получил в глаз добрый нож, что Матвей метнул. Остальные тати гуртом навалились, но гридень занял место ладное. Спиной встал к елке большой, так удачно, что сзади не подберешься. Ну и начал крутить мечом в стороны, разя и жаля. Кто сунется с дубинкой – дубья лишится. А один борзый тать и руку потерял по самый локоть. Не суйся, вражина!

Болеслав меж тем под телегу перекатился, да лук на изготовку взял. Олеся за его спиной тихонечко сховалась.

Наседали разбойники. Много их. Болеслав несколько стрел пустил и понял, что тикать надо. Не одолеть одному. Бегут быстро, наваятся! Перестрелять не успеешь.

– Тикай, Олеска! – гикнул Болеслав и подтолкнул подругу в сторону от валежника.

Ну и дали они отчаянного стрекоча в разные стороны, грабастики тож разделились. Пять оборванцев все еще пытались Матвея побить, но не очень старались уже. Близо не подходили, сами не атаковали. Но и уходить восвояси не решались. Видать, так стоворено было у них, слажено.

Покамест Матвей неповоротливый от разбойников, взмокнувши, отбивался, двое воров телегу отчаянно потрошили, а остальные за беглецами в леса пустились. Знали тати, что самое ценное – бусы глазчатые да деньги арабские путники при себе держат. На теле и под одеждами.

– Девку, девку держите! Да мне оставьте! – кричал дюжий Кувалда. Этот негодяй пытался огорошить Матвея тяжелой дубиной, но тот не подпускал к себе близко.

Лешка поскрипел ветками, корой шелестнул, и все же вступиться решился. Своими ему казались люди торговые, а уж за Болеслава сердце особенно билось-трепетало.

Взмахнул молодой лешак ивовым прутиком: щепки, листья, иголки и друга грязь мусорная в глаза татам посыпались. Тем самым, что Матвея у темной ели зажимали. Листики с дерев, иголки сосновые, шишки, желуди полетели, лица грабастикам закрывая да по лбам стуча пустозвонно. Начали они руками махать, да поздно спохватились. Матвей двух ворогов сразу зарубил, а остальные наутек бросились, в лес темный, под защиту мха да сизого вереска. Припустили, окаянные, дубинушки свои побросав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.